

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU58903070

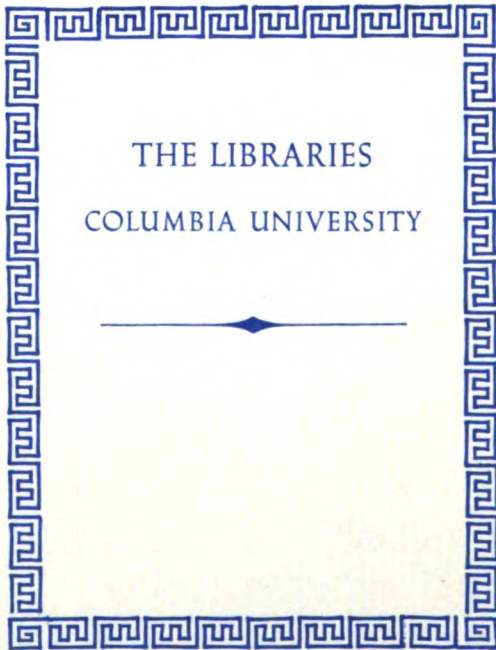
891.8 H73

Ocherk staroslavians

891.8-H73

HOLOVATSKY

Coanini

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

ОЧЕРКЪ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО
ВАСНОСЛОВІЯ

ИЛИ

МИΘΟΛΟΓІИ,

составленъ Я. Θ. Г-мъ.

Цѣна **35** кр. и. — Доходъ назначенъ на иѣли
литературныи

Л Ъ В О В Ъ.
Типомъ Ставропигійскаго Института.
1860.

Нолаварошъ

О Ч И Р К Ъ

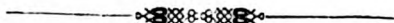
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО

БАСНОСЛОВІЯ

ИЛИ

МИТОЛОГИИ,

составленъ Я. Ѳ. Г-мъ.

Л Ъ В О В Ъ.

Типошъ Ставропигійского Института.

1860.

891.8
H73

А) О ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ИДОЛАХЪ И БОЖИЩАХЪ.

Сравнивая различные свидетельства и преданія о языческомъ богослуженіи у древнихъ Славянъ примѣчаемъ, что не смотря на мѣстные особенности, головныя основанія баснословія и принадлежности языческаго богослуженія были у всѣхъ Славянъ одни и тѣже. Сего ради баснословіе рускихъ Славянъ должно быть не иначе изучаемо, какъ въ связи съ другими славянскими племенами, подобно какъ для изясненія древняго германскаго богослуженія мифографы обходятъ все племена нѣмецкаго покольнія, не исключая и самыхъ сѣверныхъ Скандинавовъ и Исландцевъ.

Баснословіе славянское по немногимъ и скуднымъ извѣстіямъ, записанымъ писателями чужестранцами и отрывочнымъ преданіямъ о языческой обрядности, захованымъ въ народѣ, не могло сложитися въ систему, якъ міеологія греческа и римская; однакже суть уже хорошіи матеріалы*) собраны учеными, по которымъ головнымъ догматы славянскаго баснословія о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на чловѣка и весь міръ, о душѣ чловѣческой, ея безсмертіи и житіи послѣ смерти довольно ясно опредѣлити можно.

а) Понятіе о высшомъ Бозѣ.

По свидѣльствамъ лѣтописей Прокопія Кесарійскаго (*De bell. Goth. III. 14.*), Гельмольда (*Chron. Slav. I. 84.*) и біографа Оттона (*Act. Sanct.*

*) Важнѣйшіи сочиненія того рода суть: Касторскаго Начерт. Слав. Міеол. 1841. — Н. Костомарова Слав. Міеологія Кіевъ 1847. — Срезневскаго Изслѣд. о языч. богослуж. др. Слав. 1848. — Гануша *Die Wissenschaft d. Slav. Mythus Wien 1842.* — Семеновскаго Замѣч. о праздн.

Jul. 433) върили древніи Славяне въ единого бога, называя его верховнымъ, небеснымъ богомъ, богомъ боговъ. Изъ Нестора также видно, что Славяне рускіи имѣли понятіе о высшомъ существѣ, нарицаемомъ преимущественно богомъ или богомъ вседержителемъ, и различали его отъ бога Перуна и другихъ второстепенныхъ божествъ.*) Славяне честили въ немъ отца природы и господа міра, котораго воля правитъ его судьбами, котораго промыслъ удерживаетъ все; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы и называли Великимъ богомъ, Старымъ богомъ или Прабогомъ.

Другіи боги были по вѣрованію Славянъ, яко отъ верховнаго бога происходящіи существа, его

у Малороссіянъ 1843. — Спѣгирева русск. простор. прадв. 1839. — Сахарова Сказанія русск. нар. 1841. — Впрочемъ сочиненія Шафарика, Коллара, Вука Стефановича, Мацѣвскаго, Голембювскаго и пр.

*) Въ договорѣ Игоря клевется Русины: „И елико ихъ есть не хрещено, да не илутъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна. . . . Да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна.“
Поли. Собр. Лѣт. I. 1846. стр. 20 и 23.

произведеніями, властью отъ него зависячими, посредниками межи нимъ и міромъ, сильными его силою, и то не всь одинаково, но по сказанію Гельмольда, были они тѣмъ сильнѣйши, чѣмъ близши были родствомъ всемогущему богу боговъ.*)

б) Свѣтлопоклоненіе.

Ближайшее къ богу истечение есть свѣтло. Славяне вѣровали, що существо свѣтла явилось на земли и воплотилось въ родъ человеческомъ. О томъ пише Ипатіевская Лѣтопись слѣдующее: „Нѣкогда царствовалъ на землѣ Соварогъ (высочайше существо, отецъ свѣта), научилъ чело-вѣка искусству ковати и брачнымъ связямъ; по-

*) О родствѣ боговъ (геогонія) читаемъ въ Вацерада Словарѣ, що Славяне считали Дѣванну дочерью Перуна и Лѣтницы, Радегаста внукомъ Кѣрта, Страчна сыномъ Сытиврата (слав. Сатурна); въ словѣ о Полку Игоря представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ дѣдомъ Владимира; въ Ипатіевской Лѣтописи названъ Дажьбогъ сыномъ Сварога.

томъ царствовалъ сынъ его Дажьбогъ, еже нарицается солнце.” И такъ существенная часть язычества Славянскаго относится къ свѣтлопоклоненію; тое изъясняется многими свѣдѣтельствами лѣтописей и народными преданіями, которыми показываютъ, що тоежъ самое обожествленное солнце или свѣтлоносная сила въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ почиталась въ различныя времена и по различнымъ сторонамъ Славянщины подъ особенными наименованіями.

в) Сварожичь-Радегастъ.

У Полабскихъ Славянъ стоялъ (по словамъ Дитмара) въ городѣ Радегастъ храмъ съ деревянными изображеніями божествъ, изъ которыхъ высшій былъ Сварожичь т. е. сынъ Сварога, почитаемый на Руси подъ именемъ Дажьбога, Хорса или Солнца.

По свидѣтельству Адама Бременскаго и Гельмольда былъ въ городѣ Ретръ въ храмѣ идолъ Радегаста, къ которому приходили для жер-

твoприношеній и гаданій. Самъ идолъ былъ золотый; а ложе у него пурпуровое. На головѣ у него сидѣлъ орелъ съ розпростертыми крылами, а на груди была черная бычья голова, изображенная на щитѣ, который держалъ Радегастъ правую руку; а въ лѣвой имѣлъ онъ сокиру съ двома остріями.

г) Святovitъ-Дажьбогъ.

Такоежъ божище чтили Славяне на островѣ Руянѣ (Rügen) подъ именемъ Свантовита или Святовита. *) Саксо Грамматикъ подробно описуе оное. „На мѣловомъ утесѣ сѣверовосточнаго руянскаго мыса (говоритъ онъ), стоялъ укрѣпленный градъ или замокъ, Аркона. На площади градской стояло деревянное, изящно обдѣланное зданіе, въ которомъ находился идолъ Свято-

*) Святovitъ происходитъ отъ слова святой и витъ; слово витъ означае достоинство природы человѣческой вообще; отсюда витязь, витязество. витія или вѣтїа, вѣщати, вѣщїй сров. нѣм. Witz. witzig.

вита. Храмъ раздѣленъ былъ на двѣ части; посреди зданія находилоя отдѣленіе на четырехъ столбахъ; вмѣсто стѣнъ служили ему висячіи покровы, потолокъ блисталъ красною краскою. Тутъ-то стоялъ огромный истуканъ Святовита съ четырьма головами, съ четырьма шеями, съ двохъ сторонъ представлялись двѣ спины и двѣ груди; борода у него была старанно прибрана, волосы острижены. Въ одной руцѣ держалъ идолъ рогъ съ виномъ, который жрецъ наполнялъ ежегодно въ назначенный день виномъ, и по тому угадывалъ благоденствіе будущаго года. Лѣвую руку онъ держалъ согнувши на подобіе лука. Идолъ имѣлъ одежду до коленъ. Ноги его стояли на голой землѣ, а подошвы входили въ землю. Подлѣ идола находились его принадлежности: сѣдло, узда и огромный мечъ, котораго ножны и рукоятка блистали серебромъ и прекрасною работою. Святовиту отправляли богослуженіе въ опредѣленные дни и гадали о будущемъ. Онъ былъ богъ плодovъ земныхъ и богъ войны. Каждый муж-

чина и каждая женщина обязаны были пожертвовать ему монету; ему принадлежала третья часть военной добычи; для охранения его назначено было триста конных воинов и триста пѣшихъ стрѣльцовъ, сражавшихся во имя бога, яко его войско. Вся Славянщина имѣла уваженіе къ руянскому Святовиту, даже чужеземныи цари посылали туда свои подарки. Кромѣ драгоценныхъ сокровищъ, при томъ храмѣ находился бѣлый конь, принадлежавшій божеству; только жрецъ могъ его кормити и сѣдати на него. Славяне думали, що на семъ конѣ ѣздитъ самъ Святовитъ и сражаеся съ своими непріятелями. Конь тотъ служилъ для прорицаній предъ начинаніемъ якого небудь предпріятія. При храмѣ хранились также священныи знамена и орлы употребляемыи на войнѣ“ (Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XIV. p. 288. X.). Гелмольдъ утверждаетъ между иными, що подѣ Святовитомъ розумѣли Славяне солнце и приписывали солнцу первенство надъ другими боже-ствами.

Святовиту поклонялися также и Славяне въ Иллиріи и въ Чехахъ. Чехи нехотѣли отстати отъ поклоненія Святовита до тѣхъ поръ, пока князь Вячеславъ не поставилъ церкви Святого Вита (*S. Vitas*) подобнозвучного съ названіемъ идола. Що обожаемый на Руси Даждьбогъ или Хорсъ совершенно сходствовалъ съ Святовитомъ западныхъ Славянъ, доказательствомъ служить недавно пониже селенія Личковецъ Тарнопольск. округа въ русль рѣки Збруча открытый истуканъ его, перевезенъ графомъ Потоцкимъ до Кракова и принесенъ въ даръ тамошнему Университету. Сей истуканъ есть изваянъ на подобіе божка нѣкогда находящагося по свидѣтельству Гелмольда и Саксона Грамматика въ Арконѣ на Рюгенскомъ островѣ, вытесанъ изъ одного куска пѣсчаника, высотой на 4 Вѣд. локоть, а шириною 15 цалей, и изображае идолъ съ четырьмя лицами надѣтыми однимъ капелюхомъ; по одной сторонѣ держитъ въ рукахъ рогъ, по другой щось подобное кольцу, на иныхъ двохъ сторо-

нах притыкають руки его къ самымъ грудямъ; у пояса привъшенъ мечъ, а пониже того видно изображеніе коня съ подругою. На всѣхъ четырехъ сторонахъ у ногъ Святовита находится изображеніе женщины. У самого подножіа замѣчаются изображенія мужчинъ. См. Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы въ Вѣднѣ 1851, стр. 423. Въ ученой статьѣ, въ чч. 106—111 той часописи помѣщенной, совсѣмъ удовлетворительно изъяснилъ сочинитель оной Г. нъ А. Петрушевичъ, „что открытый словенскій истуканъ въ русль рѣки Збруча, есть истуканомъ русскаго Хорса или Дажьбога, божества солнца, а не Святовита, поклоняемаго только западными Славянами и совсѣмъ не извѣстнаго подъ тѣмъ именемъ, какъ бога солнца, восточнымъ русскимъ Славянамъ.” (Вѣстн. 1851. стр. 439).

И такъ обожественное солнце или Дажьбогъ называемый Сварожичемъ, Радегастомъ или Святовитомъ былъ повсюду въ Славянщинѣ почитаемый. Онъ былъ богъ нравственного свѣта, мудро-

сти, высочайшего всевъднія, общественного порядка и гражданственности; къ нему обращались передъ начатиємъ всякаго общественного дѣла и испрашивали предсказаній. Онъ былъ яко богъ солнца податель и виновникъ плодородія (Даждь-богъ); до него чинено моленія о изобиліи плодовъ земныхъ. Притомъ онъ былъ покровителемъ гостепрѣимства, промышленности и торговли (Радогость, ибо купцы называлися гости). Наконецъ былъ онъ воплотившимся символомъ свѣтла, борющимся со злымъ существомъ. Конь Святовита и Радегаста указываетъ на воинственное его значеніе, яко существа свѣтла въ борьбѣ съ иракомъ. — И такъ Святовитъ, солнце, ѣздилъ на своемъ бѣломъ якъ день кони воевати съ злыми духами во время ночи, царства противного начала. разрушаемого лучами свѣтила; мечъ и знамена означаютъ тую непрерывную брань.

а) Яровить, Руевить, Поревить, Поренуть.

Четыре мифическіи существа Яровить, Руевить, Поревить и Поренуть, упоминаемы у Полабскихъ и Прибалтійскихъ Славянъ, не были, ничѣмъ инымъ, якъ тоже божественнымъ началомъ солнца въ различныхъ порахъ года появляющимся. Яровить отъ слова ярь т. е. весна, означалъ ярость, мужество, а оразъ и весну, молодость, свѣжесть и изображалъ солнечную силу, проявляемую весною. — Ругіевить или Руевить, отъ слова руйный, т. е. горячій, огненный, красный, знаменовалъ лѣтнее солнце. Онъ изображался вышиною бѣльшій человеческого роста, съ семи головами, семи мечами, а осьмый держалъ обнаженный въ руку. Сѣмъ головъ и сѣмъ мечей означали божество въ полной силѣ. Поревить, представляемый безъоружнымъ, изображалъ зимнее солнце, потерявшее свою разящую силу. Онъ былъ въ противоположеніе

Яровиту и Руевиту, означавшихъ бога войны, богомъ мира. — Поренуть былъ изображенный съ четырьма головами, а патую держалъ на груди. Онъ выражалъ поворотъ солнца на лѣто или рождающее солнце. Четыре головы суть атрибутомъ солнца (ср. Святовита), а пятая на груди изображала рожденіе нового солнца, для того, що Славяне (якъ и многіи другіи народы) вѣровали въ ежегодное рожденіе его.

е) П е р у н ъ.

Есть великое правдоподобіе, що П е р у н ъ, почитываемый у древнихъ Русичевъ, тое найголовнѣйшее божественное существо послѣ бога Вседержителя, означалъ также свѣтоносное начало. Названіе его означающее въ малорускомъ и другихъ славянскихъ языкахъ г р о м ъ (ср. греч. πῦρ огонь; зенд. пейрамунь, свѣтлое. небесное жилище) и выраженія: перунъ убилъ, перуновъ стрѣла и пр. указуютъ на тое, що онъ былъ обладателемъ грома и молніи, громовникомъ. но кромѣ

того, здається, онъ означалъ видоизмѣненіе свѣтла. Въ литовской міеологіи онъ названъ *Перкуносъ*. Перунъ былъ (подобно Святовиту) богомъ войны и мира; Русины клали у подножія его оружіе и клялися при заключеніи договоровъ богомъ Перуномъ — Владиміръ В. поставилъ Перуну и-стуканъ въ Кіевѣ, а Добрыня (вуй и воевода его) въ Новгородѣ. Огонь былъ священною принадлежностію богослуженія Перунова. По словамъ Гвагинія (Kron. W. księztwa Moskiew. pols. przekł. X. VII. 485.) горѣлъ въ Новгородѣ передъ идоломъ Перуна неугасимый огонь изъ дубового дерева. Тоже самое божество почитывалось у Поляковъ яко дарователь плодовъ земныхъ подъ именемъ *Ессенъ* или *Ясенъ* (Sarnicki p. 1028). Атрибутомъ его въ Шлезку была гора *Соботъ* (т. е. восходящее солнце). Въ пѣсни карпаторусской упоминается: *Громъ - Собота, гора висока* *) или *Громова Собота*, слѣдо-

*) Хрестом. Церковно-словен. и древно-руск. въ пользу учен. высш. Гимн. сост. Яковъ Головацкій, въ Вѣднѣ 1854. стр. 347.

вательно гора Сobotъ есть гора Солнца или Грома-Перуна. Сobotка (Сободка) называется обрядъ купальнаго праздника, во время котораго палить на горахъ костры изъ деревъ. *) Подобное Перуну божество почитано было Славянами въ Любецъ (Lübeck) подъ именемъ Проне или Прове, и у Адриатическихъ Славянъ подъ названіемъ Берона, що доказываютъ въ Аквиденъ обратаемыя надписи (Jovi Sancto Beroni tonanti, bono deo Beroni).

ж) Триглавъ.

Въ Шетинъ (Stettin) былъ идолъ именемъ Триглавъ, котораго жизнеописатель св. Оттона Бамбергскаго назвалъ величайшимъ божествомъ

*) Наша Густинская Лѣтопись пишетъ о томъ слѣдующее: „Сему Купаду, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше Юніа 23. дня, въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ (въ Арх. списку прибавлено: сobotки на якую память): съ вечера собираются иростаа чадь, обогого полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія, или ко-

Славянь. Другій жизнеописатель тогожь пише, що Триглавъ изображался съ тремя головами, которые означали три царства: небо, землю и преисподнюю. Очи и уста его были завѣшены золотошитымъ покровомъ, чтобы недопустить его видѣти и порицати людскихъ слабостей. Храмъ его былъ весьма нарядный. Тамъ хранилися золотыи и серебрянныи сосуды, буйволовыи роги для питія и для трубъ, множество оружія и всякихъ запасовъ; Щетинцы бо отдавали туда десятую часть добычи военной. Въ честь Триглава отправлялися праздники со свя-

ренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтають огонь, ивдѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и смшеся за рудѣ около обращаются окрестъ одного огня, поюще своя пѣсни, преплетаютъ Купаломъ; 'потожь черезъ оный огонь прескакають, оному бѣсу жертву себе приносяще.' (Полн. Собр. Русск. лѣт. II. стр. 257.) На нашей Руси удержался обрядъ палена огня называемый соботка еще только въ горахъ Саноцкого и Ясельского округовъ и на противоположномъ погорю Угоръ, где до сего времени на канунѣ рождества святаго Іоанна въ ночи собираются селяне особенно молодежь обоего пола, ставятъ вѣху изъ смерекового дерева на высокой горѣ и закладываютъ изъ сушкину костеръ, под-

ценными играми, танцами и пирами. Триглаву поклонялись и въ нынѣ мѣстахъ Славянщины, оттого до сей поры называется гора въ Краинѣ Терглоу (т. е. Триглавъ). (*Die Wissenschaft d. slav. Myth.* 100.) Славянскіи мнѳографы видятъ въ немъ сходство съ индійскимъ Тримурти, такъ що онъ яко царь неба (воздушный) сходный съ Брамою, яко царь земли (земный)—съ Вишну, а яко царь преисподней (водный)—съ Шивою, существомъ разрушительнымъ. Въ Триглавъ можно признати свѣтоносную троничную силу, рѣвнозначительную тремъ временамъ года: веснѣ, лѣту и зимѣ и отвѣтствующимъ тремъ

палить великій огонь и взявшись за руки опоясаны чернобылемъ плясаютъ спѣваючи:

Горѣшнине, долѣшнине

Сходѣтесе на Собитку,

Спечеме си чорну китку, и проч.

Потому скачутъ черезъ огонь, и перегаляютъ рогатымъ слотъ черезъ него. Въ другихъ сторонахъ Галиціи не обходятъ того звычайу, только въ то же-навечеріе обтыкае всякая господина всю стрѣху своего дома и другихъ зданій лопухомъ (*Lappa vulgaris*) и чернобылемъ (*Artemisia vulgaris*), которыхъ то послѣднихъ и опоясуются въ той день, чтобы (акъ кажутъ) крики не болѣли.

занятіямъ земледѣльцевъ: сѣвнью, собраню и при приготовленію плодовъ земли. Преданія народныя о Троянѣ по части также указуютъ на тройное, троеличное божище.

з) Бѣлбогъ.

Славяне признавали также доброе начало подъ именемъ Бѣлбога, противоположное злomu, называемому Чернобогомъ. (Script. rer. germ. p. 513). При праздникахъ и торжествахъ обносили они чашу съ благословеніями и заклятіями, вѣручи, що счастье произтекаетъ отъ добраго бога (Бѣлбога), а злое отъ злаго (Чернобога). Гельмольдъ говоритъ, що добрый богъ есть Свантовить, следовательно былъ бы Бѣлбогъ и Свантовить одно и тоже божество. О почитаніи Бѣлбога и Чернобога свидѣтельствуютъ названія мѣстныхъ: Бѣлбоги, Чернобоги; и у насъ находится село Бѣлбожница. Въ надписяхъ на древнихъ камняхъ найденныхъ коло Аквилей: *Beliae Apolliae*, *Belinae divi* открываемъ только буквальный переводъ славянскаго слова Бѣлбогъ.

и) Ладѣ и Живѣ.

Ладѣ или Ладѣ стѣлько извѣстное названіе многимъ лѣтописателямъ и даже по сѣ пору обыкновенно припоминаемое въ пѣсняхъ народныхъ, и однозначущій съ нимъ Живѣ или Живыи почитались также у древныхъ Славянъ. Въ пѣсняхъ народныхъ особенно обрядныхъ, нашихъ Гавкахъ и свадебныхъ пѣснопѣніяхъ часто повторяютъ имя: Ладѣ! Ладѣ! — Польскіи писатели (Кромеръ, Гвагинъ, Бѣльскій) и Густинская русская лѣтопись*) пишутъ, що Ладѣ или Ладонъ означае бога всякого наслажденія и благополучія; для того приносили ему жертвы жившіися; отъ него за-

*) Въ сей лѣтописи читаемъ: „Четвертый Ладѣ, богъ пекельный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящии женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладѣна, бѣса, по никакихъ странахъ и до нынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руку или о столъ плещуще, Ладѣ, Ладѣ преплетающе пѣсни своя, многожды помнятъ.“ Поли. Собр. Русск. лѣт. II. стр. 257.

висьло счастье семейственное ; къ нему обращалися при рожденіи дитяти. Изъ пѣсень народныхъ тоже узнати можно, що Ладъ былъ божествомъ весны и любви. Слово Ладъ означае согласіе (гармонію), красоту, любовь; ибо ладъ и лада значить мужа и жену (см. Слово о полку Игоря), ладный — прекрасный, ладность — красоту. Ладкани называются у карпатской Руси пѣсни свадебныя, ладкати тѣже пѣсни спѣвати. Но такъ якъ Ладъ былъ божество любви и согласія и оразъ божествомъ весны, то слѣдовательно онъ былъ божествомъ гармоніи вселенной, любви всемірной, символъ дѣйствующаго, оживляющаго весеннаго солнца. Праздникъ ему отправляли во время самой красоты природы (по сказанію Стрыйковского отъ 23. Мая до 24. Іюня).

Однозначительное съ Ладомъ было божество Живъ или Живый называемое Длугошемъ (Hist. Pol.) божествомъ жизни. По извѣстіямъ другихъ былъ онъ богомъ благополучія, верховный правитель вселенной и божество красоты и весны.

i) Богини.

Кромѣ мужескихъ божествъ Славяне поклонялись и божествамъ женскимъ. О богиняхъ славянскихъ находимъ свидѣтельства у различныхъ писателесей: Прокопій упоминае о нимфахъ, обожаемыхъ Славянами; Арабскіи писатели пишутъ также о богиняхъ славянскихъ, а именно Масуди говоритъ, що противъ головного идола, находившегося въ одномъ изъ Славянскихъ храмовъ, стоялъ другій изображавшій дѣву; Ибнъ-Фоцланъ упоминае о женахъ и дочеряхъ русскаго бога; Дитмаръ говоритъ о изображеніяхъ богинь; Гельмольдъ и другіи говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацерадъ*) упоминае о Дъваннѣ, Лѣтницѣ, Живѣ, Лютицѣ, Моранѣ, Хлипѣ; Длугошь о Дъдиліи, Дъваннѣ, Маранѣ и пр. И такъ славянская миеологія имѣла божества женскаго пола къ почитанію, изъ которыхъ

*) Mater Verborum изд. В. Гавли въ Празѣ 1833.

переберемъ смыслъ и значеніе самыхъ головныхъ баснословныхъ существъ :

к) Лада — Жива.

Съ божествомъ мужскимъ Ладомъ или Живымъ почитали Славяне и ответственное ему женское существо подъ названіемъ Лады и Живы, (у Гельмольда Сива). Вацерадъ объясняе ея словомъ Церера. Кажуть, що она изображалась съ колосомъ и цвѣтами. По другимъ источникамъ она представлялась съ младенцемъ на головѣ и виноградною ягодою или яблочкомъ. Колядныи наши пѣсни и щедровки часто вспоминають о дѣвѣ съ дитяткомъ, опшеничномъ колосѣ, о виноградѣ и о червономъ или винномъ яблочку. Поклоненіе Ладъ или Живъ распространено было у Славянъ и другихъ народовъ. У Пруссовъ называлась она Жиза, у Скандинавовъ Фригія (Фрея) *) вандалская,

*) До сего времени называлась у Галицкой Руси Фрея, Фрейка, Фрейда (Вацлавъ изъ Олеска 197.), женщина злого поведенія.

т. е. заимствованная отъ Славянъ, у Литовцевъ именовалася Лада Золотою Панею, известною и у южныхъ Русинѣвъ подъ именемъ Золотой Бабы, которой статуи еще находятся изображающіи женщину съ младенцемъ. У Длугоша и Стрыйковского приходитъ она подъ названіемъ Дядилія. — Лада или Жива, здаея, символизировала природу, жизненное начало, была матери солнца въ его воплощеніи, богиня любви, гармоніи, брака, веселія, красоты и всякаго благополучія, матери — питательница міра, подательница благъ. Младенецъ на головѣ означалъ воплощенный съездъ, а яблоко въ руку представляло ту же идею, що яйцо Латоны (въ римской мифологіи) или яйцо, начало всѣхъ вещей, которое почиталось Индійцами. То же женское символическое существо находится во всѣхъ почти мифологіяхъ и подъ разными наименованіями: Лада была тоже, що у Индійцевъ Бгавани, первоначальная воспринимающая зародышъ творенія, женственная сила; — у Египтянъ она была Изидя; — у

Фригійцевъ а послѣ у Римлянъ матеръ Цибеда.
(Creutz. Symbolik u. Mythol. d. alten Völker IV. 44.)

Она была, здается, и то, що нынѣ называеся
мати-земля, божество, которое почитали гер-
манскіи народы подъ именемъ Герты, однозна-
тельной съ mater tellus у Римлянъ.

л) Дель — Леля. — Вода.

Якъ Латона, въ греческой мифологій, была
матерею мужеского и женского существъ, Апол-
лона и Дианы, такъ и Лада славянская мати
Леля и Лели. Лелись по литовски значить
свѣтлый. лелѣти означае въ малорусскомъ
языцѣ блистати, сверкати, и въ пѣсняхъ
народныхъ употребляется тое слово яко припѣвъ:
Лелю-Ладю. Тѣ близнецы — тотъ двутвѣць —
выражали природу первоначальную, когда она еще
не выказалась въ противоположностяхъ, и при-
роду окончательную, результатъ дѣйственности
міровой жизни. Въ явленіи указалось тое двупо-
лое существо въ образѣ отдѣльныхъ существъ

мужеского и женского. Мужеское есть воплощенный свѣтъ — Святovitъ; женское же Вода. Во всѣхъ мнeологіяхъ вода изображаетъ страдательную первоначальную матерію женственнаго существа, изъ которой посредствомъ плодотворнаго прикосновенія существа мужеского произошли всѣ вещи. Въ Индіи тое существо есть Сакти, само по собѣ бездушное и холодное, а только воспринимае отъ мужеского существа — огня Шивы, и производитъ жизнь. По зендскому понятію Церване — Акерене создалъ словомъ своимъ (Гоноверъ) — первообразъ матеріи, пра-Ормузда, въ которомъ соединились начала свѣтла и воды и образовалось твореніе сперва черезъ роздѣленіе а потомъ черезъ взаимность противоположностей. У Сивитическихъ народовъ вода представлялась женскимъ страдательнымъ основнымъ элементомъ творенія. Въ Египтѣ вода считалась страдательно-женскимъ существомъ и символизировалась въ видѣ Изиды, пробуженной къ плодородію огнесвѣтломъ. Въ Греціи океанъ былъ въ началѣ всѣхъ

вещей, и по учению Орфееву изъ воды образовалось творение, когда она возбужена была бракомъ съ божествомъ въ видѣ зми, называемымъ Гераклесъ: оно означало свѣтоносную силу. По скандинавскому понятію, творение возникло изъ противоположностей свѣта или огня и воды или холода.

м) Космогонія.

Славянская космогонія не оставила намъ послѣдовательнаго ученія, однако есть слѣды того понятія; у карпатскихъ Русинѣвъ есть преданіе, що царь-огонь вмѣстѣ съ царицею-водою свѣтъ создали. Подобныя преданія находятся и у другихъ Славянъ. Созданіе міра описано также въ галицко-русской колядной пѣсни: „Ой коли было съ нащада свѣта, Тогда не было неба ни земли, Ано лишь было синое море.” Потомъ описывается, якъ слетѣли два голубы — символы двуполой творческой силы, любви — и производять творение, добывая

изъ бездны стихіи оногo *) — Страдательное положеніе воды въ природѣ послужило человеку поводомъ видѣти въ ней женское существо. Безъ животворной силы свѣтла бездвижная вода наполняе пространство въ видѣ свѣгу, леда, мертвой массы; но когда свѣтло и теплота пробуждаютъ ее, она разходится, и подѣ вліаніемъ свѣтла, рождаетъ и питаетъ годовыи мѣръ. И на томъ-то внутреннемъ основаніи Славяне — свѣтопоклонники почитали воду. Существо тое имѣло различныи названія. Сюда относятся имена Моряны или Морены, которыми называли чучело, кидаемое на праздникъ Купала въ воду, означающее бракосочетаніе свѣтла съ водою. Мокошь, божество упоминаемое Несторомъ, по мнѣнію Коллара, означало также водное женское существо. У Вацерада называеся божество моря Хлѣпа.

*) Христомъ церковно-славян. и древне-русская сост. Яковъ Головацкій, въ Вѣднѣ 1854. стр. 343. Slovansky Narodopis sestavil P. J. Szafarzik v Praze 1848. str. 157.

н) Д ъ в а н н а .

Важнѣйшее изъ названій женско - водного существа у Славянъ была Дѣвонія, Дѣванна и Дана. Корень сихъ словъ таится въ наименованіяхъ Славянскихъ рѣкъ: Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ (Дана-присъ, Дана—стрисъ), Двина, Дунай; и въ изсняхъ народныхъ припѣвають не безъ причины: Дана, дана! Яко вода, начало вещей, вѣчно - прекрасная, вѣчносвѣжая. она была дѣва и вмѣстѣ жена т. е. супруга солнца. Такъ описуе ю Длугошъ. Въ некоторыхъ сторонахъ Славянщины называлась она Дѣвою, откуда Дѣвинъградъ, (по нѣмец. Магдебургъ), где стоялъ храмъ ея. — Она была тождественна съ греческою Діаною или Артемидою. Миѣъ греческій о Діанѣ былъ также у Славянъ, которые изображали въ Дѣваннѣ дѣву и жену, такъ якъ Греки разумѣли подѣ Діаною не только дѣву Артемиду, но и Артемиду мать, произведшую на свѣтъ любовь. Первоначальная Ефесская Діана

или Артемида изображала воду, яко производительное начало творенія и почитывалась яко дѣва и разомъ всеобщая мать (Creutz. Symb. II. 117) Богиня та заимствована Греками изъ Скиѣи, вмѣстѣ съ Аполлиномъ и Латоною (Ладю) изъ страны Гипербореевъ. —

о) Общее понятіе о божествѣ.

Изъ сего пересмотра баснословныхъ существъ Славянскихъ выходитъ, що Славяне признавали одного бога Вседержителя, творца и отца творенія, который своею премудрою всетворною любовію — Ладю — создалъ первоначальное бытіе. Тое бытіе заключало въ себя противоположность мужеской и женской природы: первая выразилась свѣтломъ, духомъ, вторая — матерію, водною жидкостію: черезъ гармоническое соединеніе тѣхъ существъ образовалось невидимое и видимое. Свѣтъ-Духъ, истекающій отъ бога, есть образъ высочайшого существа — а понеже тое существо выказывае свое творчество, свою му-

дрость въ міроправленіи, воспріавшую отъ бога, въ рознообразіи явленій міра духовного и физического, то и поклоненіе ему было подъ розными видами.

Однакже не уважая на розличія въ изображеніяхъ, сопряженныхъ съ названіями, славянская міеологія еще не впала въ многобожіе (политеизмъ), хотя Славяне и обожали видимыи силы природы или собственно почитали божество въ явленіяхъ природы. Каждое наименованіе божества не соединялось исключительно съ однимъ якимъ нибудь его качествомъ, такъ щобъ не касалось другого; напротивъ каждое вполне выражало все, що божеству приписывалось. Всъ тін такъ названныи боги значили одно и тоже; ко всякому прибъгали съ моленіями о счастіе; у всякого и-скали отвѣта небесной мудрости; предъ всякимъ совершались гаданія и приносились жертвы; всякій былъ покровителемъ плодородія, общественного и семейного счастья и войны.

п) Чернобогъ. — Дивъ.

Противуположное существу свѣтлому, животворному, доброму, было мрачное, смертоносное, злобное, которое по сказанію Гельмольда называлось Чернобогомъ, откуда происходитъ названіе чортъ. У Славянъ было злое существо, называемое Дивъ, Диво: Въ Словѣ о полку Игоря говорится: дивъ кличетъ верху древа и тѣмъ выражается предвѣщаніе опасности, а въ другомъ мѣстѣ набѣгъ Половцевъ и бѣдствіе, постигшее южную Русь, выражено: дивъ вержеся на землю. Ровное тому было злое существо бѣсъ, и Цекъ - Осина. Нигде въ прочемъ не сказано явно, было ли тое существо начало зла, или падшій ангелъ; но, невидя ніякихъ слѣдовъ двоебожія (дуализма) въ славянскихъ понятіяхъ, можно утверждать, що Славяне признавали единый верховный источникъ жизни, а чортъ славянской былъ такой же совратившійся ангелъ, якъ и Локи Скандинавовъ. На истуканѣ, найденномъ Колларомъ въ Бамбергу (съ надписью рунически.

ми буквами Чарни бугъ) изображенъ онъ въ видѣ льва или пса. Народное преданіе представляе его въ видѣ змія. Тотъ змій представляется въ народной фантазіи темнымъ, но испускающимъ искры: — вѣроятно, у Славянъ было понятіе о двухъ огняхъ: одинъ былъ животворный, неразлучный съ свѣтломъ; другой разрушающій, пороженный изъ тьмы.

р) Борба доброго начала со злымъ.

Съ тѣмъ виновникомъ зла борется начало свѣтла, истины и добра, и въ такомъ бореніи проявляется жизнь въ природѣ физической и въ нравственной. Въ природѣ физической борьба выражается противоположностію жизни и смерти существъ и противоположностію годовичныхъ временъ: лѣта и зимы. Природа растетъ, цвѣте и оплодотворяется, то царство Святовита: природа мерзнетъ, явленія погибаютъ: то власть противного начала. Свѣтло и теплота представляются въ борьбѣ съ тьмою и холодомъ. Тоже и въ мірѣ нравственномъ: до-

бро въ чловѣческомъ мѣрѣ бореса со зломъ. Божество свѣтла духовного, истины и блага, являеса межи родомъ чловѣческимъ, принимае чловѣческій образъ, научае смертный родъ истинъ, бореса со врагомъ, недопускающимъ чловѣка къ блаженству, побѣждаеса, а наконецъ возстае и торжествуе. Такое начало составляе душу почти всѣхъ вѣрованій чловѣческихъ. — Тая идея высказаласа въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ и въ славянскомъ языческомъ божествѣ съ различными названіями а съ однимъ значеніемъ. Гельмольдъ говоритъ, що Радегастъ былъ герой, странствовалъ по землѣ, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Певно Славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь яко существа вѣсть божественного и чловѣческого. ибо Святovitъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами. — Къ тому же понятію о временномъ побѣденіи свѣта тьмою и послѣдую-

щомъ его торжествъ относится суевѣріе о снѣденіи солнца; древніи Русины думали, що змій съдае солнце, а потомъ оно опять воскресаетъ и побѣждаетъ врага; такъ толковалъ народъ, по словамъ русскихъ летописей, затмѣніе солнца.

Такая идея воплощенія, страданія и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служить величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины священнаго писанія. То была идея, вложенная Творцемъ въ родъ человѣческой: человекъ якую бы религію ни создалъ собѣ, непременно долженъ былъ проявити въ ней тое начало, съ которымъ самъ произошолъ на свѣтъ: оторвати ѓтъ него мысль о вочеловѣченіи божества было бы столько же трудно, якъ истребити вѣру въ свою душу. Во всѣхъ міеологіяхъ, якъ бы они ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазією, скрываются истины, въ глубочайшей древности дѣтства человечества открыты свѣше. Хотя Ев-

реи сохранили ихъ въ чистѣйшомъ видѣ, но и другіи народы не потеряли ихъ совершенно, ибо всѣ, по премудрому предназначенію Провидѣнія, должны были содѣлаться участниками спасенія. Христосъ умеръ за всѣхъ, и для того былъ чуждѣмъ всѣхъ языковъ.

с) Върваніе въ Духовъ.

Вся вселенная, оживотворенная огнесвѣтломъ, духомъ красоты, гармоніи и розума, сыномъ красной любви Лады, великимъ Ладомъ, Блжимъ добрымъ богомъ, святымъ витяземъ, другомъ чловѣка, соединеннымъ съ плодотворною любовію съ прекрасною Дъванною, есть сцена борьбы его съ врачнымъ Чернобогомъ. Все на землѣ оживлене духами, которыя помагаютъ или доброду или злуду началу. Якъ нравственныхъ свойствамъ чловѣка, такъ и физическимъ предметамъ Славяне придавали духовъ: одни были добрыи, другіи были падшіи. У Славянъ имѣли они названіе боговъ вътряныхъ (въ области небесной), лѣсныхъ, поле-

выхъ, земляныхъ (земныхъ) и водяныхъ (въ области подземной, преисподной) и пр.

г) Воздушніи духи.

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды и всѣ небесныя явленія изображались олицетворенными. Мѣсяцъ былъ супругъ звѣзды, его сопутницы; въ свадебныхъ русскихъ пѣсняхъ заставляютъ добрый мѣсяцъ призывать любезную свою звѣзду (зорию) взойти разомъ, освѣтити поле и море, обрадовати звѣрей въ лѣсу и гостей въ дорожѣ. Въ созвѣздіи медвѣдицы, народъ видитъ коней, вѣроятно Святовита. Чорная собачка, (у Гуцуловъ сучка) олицетвореніе Чернобога, каждую ночь хоче перегрызти упряжь (вѣе), щоби розрушити весь организмъ (ладъ) творенія, но не успѣвае, потому що передъ розсвѣтомъ побѣжитъ пити до кирницъ, а тѣмъ временемъ упряжь сростаеся. Въ созвѣздіи Оріона земледѣльцы видятъ плугъ, символъ гражданственности, который по старинному понятію, спалъ съ неба. Дуга есть блистя-

щее коромысло, которымъ царица небесная — прежде Жива-Лада, — почерпае изъ святого всемірнаго колодезя животворную воду и орошае поля. Громъ происходитъ отъ громовника — Перуна. Градъ сучать на воздухахъ богини и съютъ великанскимъ решетомъ на землю. Воздухъ Славяне олицетворяли подъ именемъ духа Погоды или Догоды; въ теръ почитали за духъ *). вьющій отъ Божества Стрибогомъ и Похвистомъ. Лихій вѣтеръ назывался вихоръ и происходилъ отъ Чернобога; онъ могъ ослѣпiti и роздути челоуѣка. Огненные метеоры были также злыми явленіями и назывались змѣями и смоками. Падающіи звѣзды почитались душами-феруанами людей и паденіе означало смерть.

*) „Вѣтеръ божій духъ.“ См. Галицкія Привѣдки и загадки собраныи Гр. Шлькевичемъ. У Вѣднi 1841 стр. 17.

у) Водныя существа.

Вода была населена существами, служившими то добру то злему началу; хотя вода была сама собою свята, но злое существо посылаетъ въ ню своихъ клеветовъ для отравленія счастья людского. — Къ существамъ населяющимъ воду, принадлежатъ во первыхъ Русалки. Сіе названіе происходитъ отъ кельтскаго слова русъ (т. е. вода), отъ котораго корня русское слово русло, означающее середину рѣки. Русалка значить обитательница русла-воды. То суть ты самы Нимфы, о которыхъ упоминаетъ Прокпій. Жіючи постоянно въ водѣ, на праздникъ Лады весною, когда вся природа праздновала воскресеніе и возвратъ Святовита-солнца, они выходили изъ воды и отправляли хоробы на лугахъ, въ лѣсахъ и на нивахъ. Нынѣшніи повѣрья изображаютъ ихъ существами своевольными, шутливыми; они колеблются по деревьяхъ, чешутся при свѣтѣ мѣсяца; но иногда нападаютъ на людей и

залааскочуютъ ихъ до смерти. *) Русалки суть существа легкіи, почти безтѣлесныя, ни добрыи ни злыи. Они были вѣроятно сопутницы Дзвонъ и потому изображаются яко существа земноводныи, ибо народное преданіе помѣщаетъ ихъ по поляхъ и лѣсахъ подъ именемъ Мавокъ или Мявокъ. По вѣрованію Гуцуловъ Мявки выправляютъ танцы свои на горъ Игрець.

Къ такимъ же существамъ принадлежатъ Морскіи панны. Къ злымъ воднымъ существамъ причислялись Топельцы или Топельники и Ухехолы или сирены у Чеховъ, у Русскихъ же водяныи и болотняныи (дздыки), которыи перевертають лодки, заманивають людей въ погибель, разрываютъ плотины и гребли, ломлютъ млыны. Болото, трѣстье, очереть представляется жилищемъ существъ злыхъ, а чистая вода добрыхъ. Оттуда происходитъ народная посло-

*) См. Пѣсни Малороссійскія изд. Мих. Максимовичемъ Моск. 1827. кн. IV. 4. —

вица: „Якъ дѣдко въ очереть влзе, то въ ко-
тру схоче дудку грае.“

Къ сухопутнымъ фантастическимъ существамъ принадлежали Вилы, о которыхъ повѣрія остались у Сербовъ. Вила изображается прекрасною дѣвою, но разомъ и воинственною. Они часто дѣлаютъ зло людямъ, умилоствуются кровавыми жертвами, заключаютъ съ героями побратимство и помогаютъ имъ на войнахъ. У Чеховъ называются подобныя дѣвы полудницами.

ф) Почитаніе деревъ.

Къ лѣснымъ богамъ принадлежатъ Святимборъ, Лѣшии у Русскихъ, представляемыя одноокими, и великаны вырвидубы. Лѣсы были у язычико́въ Славянскихъ предметами особеннаго поклоненія, ибо всѣ свѣтопоклонники чествовали ростенія, яко проявленіе ежегодной дѣятельности свѣтоноснаго начала. Религія Зендская заключала ученіе о священномъ деревѣ жизни, называемомъ Гомъ. Тое дерево играе тамъ

важную ролью при сотвореніи міра, оно источает живую (живущую — цѣлющую у Славянъ) воду. Что-то подобное было и у Славянъ, ибо въ пѣсни, где описывается чудесное сотвореніе міра говорится, что прежде чѣмъ создана была земля и небо, стояли два дубы (по другому преданію зеленый яворъ) посреди первоначальной жидкой массы. Такое дерево у Скандинавовъ называется Ягдразиль, или всемірное дерево: туда сходились боги для совѣта о созданіи міра. О поклоненіи Славянъ деревьямъ мы имѣемъ многіи чисто-историческія свидѣтельства. Прокопій говоритъ, что Славяне имѣли священные рощи и поклонялись старымъ деревьямъ. Въ Щетинѣ рощъ великій вѣтвистый дубъ надъ источникомъ; тотъ дубъ считался жилищемъ божества. Священные рощи замѣняли храмы. Изъ кралевдворской рукописи узнаемъ мы, что у Чеховъ были заповѣдныя рощи (луги). Ибнъ-Фоцланъ передаетъ извѣстіе о поклоненіи Русиновъ деревьямъ. Константинъ Порфирородный говоритъ, что

Руссы приносили жертвы подъ деревьями. Въ житіи Князя Константина говорится, що рускіи язычники поклонялись дуплистымъ деревьямъ, обвѣсивши ихъ убрусами. Въ Уставѣ князя Владиміра запрещается молиться у рощей. Судивши по остаткамъ Славянской міеологіи въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ видимъ растительную природу всюда оживлену и символизовану: деревья и зела часто говорятъ и межи собою и съ птицами, и людьми и имѣють символическое примѣненіе къ челоуьку.

х) Символическое значеніе деревъ — птицъ — звѣрей

Славяне почитали священными деревьями дубы, особенно стары; я сень, здаеся, былъ посвященъ Перуну. Кленъ и липа символизовались брачною четюю; кленъ заключалъ въ собѣ таинственную благотельную силу; кленовый листъ имѣлъ магическое цѣлительное свойство. Подъ липами совершались жертвоприношенія. О-

рѣшникъ былъ также священное дерево. **Береза** символизировала чистую мати-природу.

Птицы имѣютъ у Славянъ также символическія значенія. Преимущественно же баснословныя понятія соединились съ зозулею, голубами, ластовками и воронами. Зозуля изображается провозвѣстницею будущаго, съ таинственнымъ смысломъ. По сказанію Прокоша превращается въ тую птицу Живый. Голубъ есть у всѣхъ Славянъ символъ любви и для того то въ одной карпатско-русской пѣснѣ приписывается сотвореніе міра двумъ голубамъ, т. е. мужескому и женскому первосуществу. — Ластовка у древнихъ Славянъ принимала великое участіе въ судьбѣ челоуѣка. Такъ въ Любушинѣ судъ ластовка подае знакъ сестрѣ Кленовичей о ссорѣ ея братьевъ. — Вороны были священными птицами; никто не смѣлъ пугати ихъ въ лѣсѣ. С о в а, здается, была символомъ смерти и тьмы; когда душа вылетала изъ тѣла то всѣ птицы перепугались, только однѣ совы не-

испужались. Кроме сихъ птицъ Славяне многимъ другимъ приписывали даръ прорицанія. Птице-волхвованіе было распространено у всѣхъ Славянъ.

Изъ четвероногихъ священными у Славянъ былъ волъ и конь. Изображеніе бычачей головы на щитъ Радегаста относится въ свѣтлопоклоннической идеѣ Персовъ и Египтянъ; быкъ былъ символомъ плодотворенія, онъ означалъ въ Египтѣ живительную силу солнца. Якъ почитали Славяне коня, видно изъ описаній богослуженія Святовита и Радегаста; гаданіе посредствомъ коня осталось до сихъ поръ.*) -- Священными на-

*) Въ сборнику пѣсень М. Максимовича (Москва, 1827) читается слѣдующее:

Якъ воронъ до тебе

Въ оконце закраче:

Зъ за моря прискаче

Коваченько твой.

Якъ я воръ зелену головонку склонять,

Зозуля кукуне, дуброва застане,

И кобъль подь тобою свѣтнется; выдохне!

Тоди вже не буде на свѣтъ мене.

съкоыми почитались пчолы. Медъ у Славянъ считался священнымъ якъ у греческихъ язычн-
кѡвъ: онъ приносился въ жертву богамъ и упо-
треблялся на тризнахъ. Божая коровка
(*Lucanus cervus*) уже своимъ названіемъ припо-
минае принадлежность якомусь божеству.

ц) Земныи Духи.

Землю Славяне населяли существами до-
брыми и злыми. Къ добрымъ принадлежалъ Дѣ-
душка (Дѣдъ, Дѣдухъ), который появляеся на мѣ-
стахъ, где скрыты сокровища. С к р и т к и у
Чехѡвъ — пигмеи, — кажеся, были существа ни
добрыи ни злыи; такъ на Руси вѣрятъ въ Пер-
стукъ, Котигорошка (Мужичокъ съ ного-
токъ- борода съ локотокъ. У насъ называютъ
медведика (*Gryllotalpa vulgaris*.) Земледухомъ.
Зѣня или земное щеня, по вѣрованію народному,
мае цѣлительную силу. Ворожка, которая зѣня
давила, самымъ осязаніемъ изцѣляе жолны. Были
и подземныи злыи духи — у Чеховъ и Поляковъ

Стриги именуемы. Домовни (Дядухи, Дядьки), безъ сомнѣнн, и у Славянъ означали певцовъ, покровителей дѣла и домашнихъ пожитковъ.

Къ числу злыхъ фантастическихъ существъ принадлежали Кощей-Ядунъ или Кощей безсмертный (ср. Слово о полку и Игоря), представляемый въ воображенн въ видъ остова (скелета), и треклятая баба Яга (Язя), противуположная золотой бабѣ-Ладѣ, или моровая женщина (Чума, Джума) у Сербовъ Куга. — Вообще сказати можна, що Славянская демонологія весьма богата въ преданнхъ различного рода; у народа есть сказокъ того рода непрѣбрнное множество.

ч) Метаморфозы.

Съ символическимъ почитаннмъ предметовъ мнчисоваго мнра тѣсно связано было у Славянъ превращенн въ превращенн, въ преданнхъ Славянскихъ велии много исторнхъ о превращеннхъ

(метаморфозахъ); върно древніи Славяне вѣрили, що душа покойника и даже живый человекъ съ тѣломъ може перейти въ дерево, или птицу, или якое другое существо.

Ото нѣсколько метаморфозъ изъ пѣсень и повѣстей народныхъ:

1. Дѣвчина не слухала предостереженій брата, вступила на рѣчную кладку, уточила и превратилась въ березу, очи ея въ терновыя ягоды, а коса въ траву.

2. Злая мати преслѣдовала сына суровымъ обращеніемъ; сынъ ухалъ и превратился въ зеленый яворъ, а конь его въ бѣлый камень. Мати сышла въ поле и стала подъ яворомъ, который отозвался къ ней и она превратилась въ пыль.

3. Юноша полюбилъ дѣвицу и убѣжалъ съ нею, но никакъ немогъ соединиться бракомъ; самъ онъ превратился въ теренъ, а дѣвица въ калину.

4. Дѣвица долго дожидалась своего жениха, выходила ва высокій курганъ и плакала до тѣхъ поръ, пока не превратилась въ тополию.

5. Мужъ похалъ на войну, оставя жену на попеченіе матери своей. Свекровь обращалась съ нею такъ сурово, що невеста отъ тоски превратилась въ орябину. Мужъ, возвратившись, увидѣлъ неизвѣстную рябину, началъ рубати, а въ деревъ показалася кровь, и орябина сказала, що она превращенная жена его.

6. Братъ убилъ брата: изъ тѣла убитого выросла комишина, которая, бывъ сорвана, играла пѣсню, обличающую убійство. Гуцулы по-вѣдаютъ, що два брата убили сестру, приказавши ей стеречи посѣянное просо, которое рылъ дикій вепрь, и закопали ей подъ дубомъ. На ей могилъ выросла бзина (другіи говорятъ верба), изъ ней поробили хлопцы сопѣлки, а сопѣвки играли будто слова:

Ой мало, мало,
Два братци були,

Тай сестру вбили
 За того вепря,
 Що просо рывъ, рывъ,
 Братъ мене вбивъ,
 Подъ дуба зарывъ.

7. Юноша долго находясь на чужинѣ, женился и узналъ, що жена его есть рѣдная сестра: обое превратилися въ цвѣтокъ, называемый на Украинѣ братъ съ сестрою, *Viola tricolor*; брата означае синій цвѣтъ, а сестру жолтый цвѣтъ.

8. О зозулѣ (кукулицѣ) розказуеся нѣ сколько превращеній; н. пр. у Сербѣвъ сестра превращаеся въ зозулю за то, що плакала о мертвѣмъ братѣ. У Полякѣвъ княжна, которую отдавали насильно замужъ, превратилася въ зозулю. У нашего народа женщина, отданая въ далекую сторону замужъ, перекинулася въ сиву зозуленьку и прилетѣла къ матери въ видѣ зозули.

ш) Везсмертіе Души.

Славяне признавали въ челоуьку особое существо, которое называли душою. По кралевдворской рукописи выбитая душа выходила изъ горла *) лѣтаючи пускалася по деревьямъ, тогда Морена препровождала ея въ черную ночь. Такъ изображается кончина челоуька. Изъ Нестора и Арабскихъ писателей мы знаемъ, що Славяне своихъ мертвецѡвъ сожигали, **) а попель ставили въ сосудахъ на столпахъ надъ дорогами и творили тризну или поминки въ честь усопшихъ. — Праздники въ честь умершихъ, совпадающіи весною съ праздниствами обновленія

*) Въ такомъ же смыслѣ Пѣвецъ Игоря сказалъ весьма поетически: „единъ же (Изяславъ) изрони желчю жву душу изъ храбра тѣха чрезъ златое ожереліе.“

***) Въ самой Галичинѣ найдено три древніи кладбища, где выкопуются глиняныи сосуды съ попеломъ спаленныхъ мертвецѡвъ или попельницы; именно коло Судовой Вишни и возлѣ селъ Выспы и Рукомыша. Жаль только, що доси никто изъ ученыхъ родимцевъ не изслѣдовалъ мѣстности и не добылъ хога бы одинъ экземпляръ въ Музей Дома народнаго.

природи, возліяннїя и молитвы за мертвыхъ, показываютъ, що Славяне имѣли понятіе о жизни загробовой. Изъ Нестора и Льва Дїакона мы узнаемъ, що по славянскому понятію, клятвоступникъ будетъ рабомъ въ будущемъ вѣку. Встарину во время поминокъ льяли вино на могилу и ставили страву, съ тою мыслию. що все тое достанется покойнику. И до сего времени водится межъ народомъ при похоронахъ много обрядовъ припоминающихъ язычество и. пр. ставленіе меду или молока при тѣлѣ покойника, посыпованье макомъ хижны, съ которой вынесли усопшого; грушка или игрушка, т. е. цѣлоночное бдѣніе юношества, которое при покойнику забавляеся сказками, загадками и прч.

Слѣдовательно, смерть не пресѣкала существованія челоуѣка совершенно. Славяне однакожь не имѣли опредѣленного для душъ умершихъ мѣстца; мертвецы, по народному понятію, не приходятъ изъ ада и прака, а вылззаютъ, якъ упыри и упырицы, изъ гроба или появляются не-

известно откуда; одни дѣлають людямъ зло, другіи бродячь безъ всякой цѣли по міру, не находячи собѣ пріюта. Изъ всѣхъ такихъ повѣрій, которыхъ есть безчисленное множество, видно, что едва было определенное мѣсце для мертвыхъ, но что было вѣрованіе о жизни послѣ смерти. Души по смерти переходили въ деревья, въ птицы и отзывались челоуьку, или принимали свой прежній образъ и являлися. То не былъ совершенный митемпсихозисъ, токмо недостаточность понятія о раѣ и адѣ послѣ смерти, однакже было вѣрованіе о новой жизни, о возвратѣ и обновленіи.

щ) Гаданіе и вѣщба.

Славянская религія чужда была фатализма. О томъ насъ извѣщае еще Прокопій, говоря, что Славяне о судьбѣ вовсе не имѣють понятія. — Гаданія при храмахъ не значагь также вѣры въ судьбу, але значагь то, что челоуькъ чувствуете недостатокъ своего розума и жаеае у-

знати отъ божества : будетъ ли гараздъ, и въ ладъ то, що онъ предпринимае.

Вѣра въ гаданія была распространена межи Славянами такъ, що и до сихъ поръ въ русскихъ селахъ знахоръ или гадатель пользуется такоюжъ силою и значеніемъ якъ оракуль. Прорицанія въ храмахъ всегда совершались съ гаданіями. Гадали не только жрецы (вѣщуны), но и женщины (вѣщички).

Славяне имѣли глубокое уваженіе къ жребію и считали его объявленіемъ высшей воли. Вѣсть съ симъ соединялася вѣра въ могущество слова. Человѣческое слово имѣло въ собѣ чтось чародѣйственное, заключало таинственную силу, которую узнати — была высокая мудрость. Слово могло дати челоуку счастье и погубити его безвозвратно; слово могло прогоняти болѣзни, останавливати дѣйствія злыхъ духовъ, управлять физическими явленіями, творити чудеса. Памятникомъ того вѣрованія остались заговоры, посредствомъ которыхъ простой народъ думаетъ

приобрѣтати богатства, избавлятися отъ опасностей и болѣзней. Вѣщунны, знахори или ворожбиты еще досѣ, по мнѣнію суевѣрнаго народа, отвергають известными словами градовыя тучи; ворожки знахорки, вѣдьмы будто отвращають болѣзни и всякое лихо отъ однихъ а насылають е другимъ. Такое вѣрованіе розвило у Славянъ любовь къ поезіи и произвело огромный запасъ пѣсенности. Въ пѣснѣ видѣль Славянинъ не только пріятное, но и высоко-чудесное; поеть носилъ имя вѣщого, т. е. вѣдающаго сокровенныя истины, у Бояна были вѣщій персты, которыя онъ на живыя струны вскладаль, они же сами княземъ славу грохотали (Слово о Полку Игоря); сама поезія называлась вѣщба. Оттуда у Славянъ уваженіе къ законамъ и правиламъ отцевъ, выражаемымъ во множествѣ изреченій и пословицъ, въ которыхъ высказываеся житейская мудрость.*)

*) Сл. Славянская Мифологія, Сочиненіе Н. Костомарова. Кіевъ 1847.

Б. О ЯЗЫЧЕСКОМЪ СЛАВЯНСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ.

а) Святилища богослуженія.

Уже выше примѣчено было, что богослуженіе языческихъ Славянъ во всѣхъ главныхъ основаніяхъ сходно было, хотя обряды въ частномъ развитіи различны были. Славяне отличали въ сонмѣ божествъ богѣвъ земныхъ отъ богѣвъ небесныхъ и покланялися однимъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ. Богамъ земнымъ покланялися всюда, где по народному вѣрованію тѣи боги обитали или выказывали свою божественную силу, богамъ же небеснымъ отда-

вали честь въ особенныхъ храмахъ предъ идолами изображающими божество.

Жертвенники богослуженія стояли по большей части подъ открытымъ небомъ при рѣкахъ, на горахъ, подъ сѣнью священныхъ дубровъ и рощей. Однакоже Славяне, преимущественно западны, строили также храмы посвященные разнымъ божествамъ.

б) Мѣстца поклоненія водѣ и огню.

Воду почитали Славяне стихіею, изъ которой образовался міръ, ибо по понятію Славянской космогоніи земля выплынула изъ моря или вынята изъ моря. Воды, рѣки, моря населены были различными мнѣическими существами. Съ вѣрованіемъ въ божественность воды соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ яко въ присутствіи божества, должно совершати богослуженныя обряды. Изъ того слѣдуетъ, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ,

рѣкъ, потокѣвъ и ключей, куда народъ соби-
рался для исполненія своихъ священныхъ обря-
дѣвъ. О томъ свидѣлствуютъ также древнїи
писатели: И такъ у Прокопїя (III. 14) чита-
емъ: „що Славяне обожаютъ рѣки, нимфѣ и нѣ-
которыхъ другихъ духѣвъ, приносятъ имъ жер-
твы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ.“ Левъ
Дїаконъ (IX. 8) пише о Русинахъ языческихъ:
„Воины Святослава погружали въ струи Ду-
ная младенцевъ и пѣтухѣвъ по совершенїи погре-
бевїа воинѣвъ, павшихъ въ битвѣ.“ Не упоми-
ная о другихъ чужестранныхъ писателяхъ приво-
димъ еще Нестора, который говоритъ, що Ру-
сины языческіи „кладяземъ и езерамъ жертву
приношаху,“ о чемъ и Новгородская лѣтопись
упоминае. Тоже въ уставъ Владимїра о судахъ
упоминается о молящихся у воды, а въ пра-
вилахъ Митрополита Іоанна читаемъ о „еже
жрутъ бѣсомъ и болотомъ и колодяземъ;“ также и
о бракахъ совершаемыхъ у простого народа пле-
сканїемъ, наконецъ и Кирилъ явно научае: „не

нарицайте собѣ бога ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ“ и пр.

Почтеніе къ некоторымъ колодезямъ и озерамъ даже до сего времени совсѣмъ не истребилось; по сію пору еще называе народъ некоторые кирицы святыми, населяе рѣки, озера и колодези морянами, водянами, русалками, потопелниками и пр., еще нынѣ совершае онъ на берегахъ рѣкъ различныя обряды, особенно въ день Ивана (Купала). рано утромъ купаются въ рѣкахъ, умываются непочатою водою, а ввечеръ приносятъ идола, моряну, потопляютъ его и кидають вѣнки, цвѣты и пр. причеиъ поются обрядныя пѣсни.

Изъ всего того видно, що Славяне въ языческое время поклонялися воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго объта и т. д. очищалися водою, яко стихіею священнаго; мылися надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣнки, яства, гро-

ши, пѣтухѣвъ, даже живыхъ людей и вѣрвали въ пророческую силу водныхъ божествъ.

Подобно водѣ служилъ также огонь, яко первозданная стихія, яко самое божество предметомъ поклоненія, о чемъ убѣждаемся изъ слова Христороубца, который пише о томъ: „И огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіи годовыи праздники, яковыи были Коляда и Купало, въ которое время палили костры, спѣвали и плясали коло огня и скакали черезъ огонь ради очищенія.

в) Святилища горныи и лѣсныи.

Верхи горъ, скалы и каменя считалися обиталищами божества, и по сему были почитаемы якъ священныи мѣстца богослуженія, на нихъ находились каменныи жертвенники, которыхъ слѣды во многихъ сторонахъ и до сего времени обрѣтаются.

Лѣсы, роши и деревья были также почитаемы жилищами богѣвъ. Въ лѣсахъ, рощахъ и заповѣдныхъ гаяхъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, особенно старыхъ, поклонялись божеству. Такъ Константинъ Багрянородный говоритъ (*De administrando imperio* 9.) о богослуженіи русскихъ язычннкѣвъ: „Приходя на островъ св. Георгія Русины совершали жертвоприношенія подѣ великимъ дубомъ“ Въ уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ: „кто молится въ рощенъи“, а въ Ипатьевской Лѣтописи упоминается о служеніи около куста. Подобноежъ служеніе находилося и у другихъ Славянъ. Оно совершалось подѣ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липою, орѣхомъ), или въ рощѣ*, или въ заповѣдномъ гаѣ, обыкновенно раемъ*) называе-

*) О томъ раѣ вспоминаютъ и наши свадебныя пѣсни; — весѣльное деревце называется райское деревенъко, см. Русалка Двѣстр. стр. 54.

Благослови Боже
И ты божа мати
Деревце убирати:

и́омъ, где деревья святилища были отдѣляемы огородами, за которую не было никому, исключая жрецовъ, позволено преступати. — Совершеніе служенія поручалось жрецамъ и состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ.

г) Горо́дища.

Горо́дища принадлежали также къ святилищамъ посвященнымъ жертвоприношенію и языческимъ обрядамъ; они составляли переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. Яко памятники язычества они заслуживаютъ особеннаго вниманія. Горо́дищемъ (городискомъ) называлась старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильно дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукружіе. Иногда об-

Райское деревенько
 Передъ раежь стояло,
 Та въ рай ся похляло,
 Та силняеько зацвило.

ведена она кругомъ или съ одной стороны, не ровомъ, но другою подобною насыпью или даже многими. Во внутреннемъ просторствѣ имѣють городища въ поперечнику 10 до 80 шагѡвъ, высота же вала бывае отъ 3хъ до 20 шагѡвъ. Многін такіи городища имѣють одинъ или два входы и положены на скатъ горы надъ водою, или при стеченіи двухъ потокѡвъ, а по мнѣнію извѣстнаго старожитника Зоріана Ходаковскаго *) должны имѣти въ окрестности своей урочища съ названіями божествъ или вещей до богослуженія языческаго принадлежащихъ.

Городища такіи розкинуты по премногихъ Славянскихъ краиняхъ, особливо по съверномъ подножію Карпатъ, у насъ въ Галиціи и цѣлѡй русскѡй земли, хотя и не обрѣтаются на всякѡй квадратнѡй милѣ, якъ тое предполагалъ Ходаковскій.

*) O Sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem. Kraków 1835

Розкопуючи городища найдено множество попела, угля, недогорѣвшіи головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, также ножи, стрѣлы, приборы къ одежѣ изъ бронза, серебра, золота и пр. и даже каменные основанія костра или жертвенника. Все тое доказывае, що городища были мѣстца совершенія языческихъ обрядовъ жертвоприношеній или сожженія мертвыхъ, которми послѣдніи носили на собѣ тотже характеръ жертвоприношеній; вообще, що городища имѣли богослужебное значеніе, хотя не можно опредѣлити, якого рода богослуженію они посвящены были и якіи именно обряды въ нихъ совершались.

д) Извѣстія о храмахъ языческихъ.

У Славянъ были также для богослуженія созданы храмы, капища или континцы, въ которыхъ стояли идола, передъ нимиже приносились жертвы. Храмы были посвящаемы божествамъ высшимъ небеснымъ. О храмахъ Святовита, Раде-

гаста и др. божествъ, обожаемыхъ въ Ретръ, Арконъ и Щетинъ, уже было выше упомянуто, тутъ приводимъ еще свидетельства о съверныхъ или рускихъ Славянахъ:

Древнѣйше изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ арабскому писателю Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующіи строки: „Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, якъ говорятъ философы. Тое зданіе есть славно — по своей архитектурѣ, — по сложенію камней различного рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, — по отверстіямъ въ верху, — по постройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, — по дорогоцѣннымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, — по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя тѣми дорогоцѣнными камнями прежде, чѣмъ они случились, — по звукамъ, разлагающимся сверху зда-

нія, — наконецъ по тому, що приключается съ людьми, когда тѣ звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами розличного цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлбная сила всюду извѣстна. Тамъ есть ихъ большій идолъ, представляющій Сатурна(?) въ видѣ старца. — Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ; оно построено было изъ мрамора и земного изумруда. Посреди зданія возвышается великій куполъ, подъ которымъ стоятъ идолъ; а противъ него другій изображающій дву. Построеніе того храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними. О храмахъ русскихъ Славянъ упоминаютъ только короткими словами летописи, Иларіонъ Митрополитъ и Кіевскій патерикъ; самое же подробное извѣстіе о русскихъ языческихъ храмахъ приводятъ Скандинавская повесть (Сага) о Олавѣ Тригвесонѣ: „Олавъ“ сказано тамъ — „вздилъ всегда къ храму съ

княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ предъ дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы. — Сіи свидетельства доказываютъ убѣдительно, що у Славянъ существовали особенныя храмы, для богослуженія.

е) Устройство и положеніе храмовъ.

Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части, т. е. переднюю часть и собственное святилище, которое иногда находилось въ серединѣ храма. Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя столбами и богатыми навѣсами, спущенными до земли (Saxo Gram. 837. 838). Головной идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а вокругъ него расположены были другіи идолы и священныя вещи. Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно далеко просторнѣйшая. Стѣны, ея окружавшія, были украшены рѣзаными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей,

багрянными тканями и пр. Разьба была такъ на внутренней якъ и на внешней сторонѣ стѣнъ иногда выпуклая и розкрашена цвѣтами. Изображенія представляли богѡвъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, безъ сомнѣнн я имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными мнѣями. Поверхъ стѣнъ и столбѡвъ внешней части храма поднималась кровля, которая также бывала розкрашаема и такимъ образомъ вся внѣшность храма предствлялась пестрою.

Храмы строились бѡльшею частію изъ дерева, понеже Славяне, живучи бѡльше въ мѣстцахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ каменемъ, привыкли бѡльше къ деревяннымъ зданіямъ, нежели къ каменнымъ. Однакоже суть доказательства, що бывали у Славянъ также великолѣпны храмы, созданы изъ огромныхъ камней.

Храмы были обернены головными входами на западъ, такъ, що святилище было на востокъ отъ входа. Востокъ считался Славянами (подобно многимъ инымъ народамъ) стороною, къ которой

долженъ обращаться человекъ, возсылаючи молитвы въ Богу. Обыкновенно былъ храмъ окруженъ дворомъ, обведеннымъ огородою, которая, также якъ и храмъ, была украшаема рѣзными розкрашенными изображеніями. Въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю начиналось пиршество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершатися подъ открытымъ небомъ, для того были при храмахъ еще и отдѣльныя пристройки. О храмахъ и огородахъ святилищныхъ то еще упомянуть надлежитъ, що они были священнымъ ненарушимымъ убъжищемъ для всякого, кто поручалъ себе подъ защиту божества.

ж) Идола.

Есть указанія, що Славяне поклонялися идоламъ и вънѣ храмовъ. Самъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы. Онъ пишетъ о Владимірѣ (стр. 23, 34): „И начаже княжити Володиміръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму

внѣ двора теремного Перуна деревяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса Даждбога, и Стрибога и Симарьгла и Мокошь

И пришедъ Добриня Новугороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ. — Вообще сказавши было у Славянъ идоловъ множество, що поля и города были полны ними *).

Идолы были различной величины, и малыи и огромныи. Бѣльшею частію были вырѣзаны изъ дерева, роскрашены или посеребрены и позолочены, инныи были изъ чистого металла, мѣди, серебра, золота и дорогихъ камней и сдѣланы были искусствомъ, которое изумляло просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторыи изъ идоловъ имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двома, тремя и бѣльше головами или нѣсколькими лицами; но здается всѣ имѣли типъ человѣческій.

*) Penates quibus agri et oppida redundabant, говорилъ Гельмольдъ I. 53.

Идолы Славянскіи рисовались въ одежѣ, частью рѣзаной изъ дерева или литой изъ металла, частью шитой изъ тканей, и почти всегда вооруженны. Оружія и другіи подобныи принадлежности расположены были во кругъ нихъ. Идоламъ придавали бѣльшою частью стоячее положеніе. Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. — То суть головныи характеристическіи черты идоловъ Славянскихъ.

з) Жрецы славянскіи.

Въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ. и то правда, що богослужебныи обряды совершались иногда безъ пособія жрецовъ, но изъ того не слѣдуетъ, якъ нѣкоторыи мнимають, чтобы у Славянъ жрецовъ совсѣмъ не было. Паче всего мы удостовѣрены, що у Славянъ были также жрецы (колдуны, знахоры), яко лица, посвященныи въ тайны религіи и ея обрядовъ. Если жрецы и не

составляли особенной касты, то все были задается отдельнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ разрядовъ народа, отличающимся отъ нихъ бѣлою одеждою, длинными волосами заплетенными въ косу и прч. Жрецы принадлежали особенно у балтійскихъ Славянъ къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства, предсѣдали въ судахъ разомъ съ князьями, владѣли мнѣніями, владѣли богатствами. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, о употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, и розпространителями ихъ межъ народомъ; они были головными посредниками межъ божествомъ и человекомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаденій. — Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищали его,

они заботилися о священныхъ коняхъ, сами одни могли ихъ пасти и съдати на нихъ. Жрецы берегли изображенія божествъ и знаменія и всѣ богатства храмѠвъ. Они были исполнителями богослужебныхъ обрядѠвъ, возносили молитвы къ божеству и приносили жертвы, хоть не всегда, то въ многихъ случаяхъ, и самыхъ важныхъ, якъ уже самое названіе жреца оказуе приносителя жертвы.

Изъ всего того видно, якъ разнообразна была важность жрецѠвъ, якъ разнообразны были ихъ должности и розряды. — Кромъ нихъ были у Славянъ также жрицы, якъ здается женщины, которыи обрекли себе на жизнь цѣломудренную или дѣвицы, посвятившіи себе богу, или старухи (колдуни, знахорки, ворожен), отжившіи свою семейную жизнь. Такіи были дѣвы, огнеслужительницы, или дѣвы съ жреческимъ значеніемъ при

совершенія суда по обычаю Любуши, якъ то *)
 мнимають нѣкоторые писатели).

и) Молитвы и возношенія.

Полныи вѣры въ могущество своихъ богѳвъ, изъ страху къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благость, Сявляне старались выразити передъ ними свое благоговѣнїе и покорнѳсть, отвратити ѳтъ себе негодованїе, заслужити ихъ милосердїе и помочь. Для того они въ часы богослуженїа сходились поклонятися богамъ, обращаясь къ богу они выражали свое благоговѣнїе тѣмъ, що падали ницъ и били челомиъ. Въ мѣстахъ освященныхъ (по вѣрованїю народа) присутствїемъ божественного духа, якъ предъ лицемъ самого божества, нельзя было съдати и даже надобно было

*) „Двѣ вѣгласнѣ двѣ, выученѣ, вѣщбамъ вигизовымъ; у одной су(ть) дѣски правдодатне, у второй мечь кривды караючїй“, говорится въ Судѣ Любуши. См. *Die ältesten Denkm. d. böhm. Sprache Prag 1840. Rukop. Kralodworsky wydán od W. Hanky w Praze.*

удерживати въ святилищъ дыханіе. Преклоненіе коленъ передъ идолами было у Славянъ балтійскихъ въ употребленіи, якъ то узнаемъ изъ многихъ свидѣтельствъ. Самое слово „поклонитися“ выражае въ старославянскомъ и другихъ нарѣчіяхъ „богопочитати.“ Такъ и въ краледворской чешской рукописи выраженія: „кланятися богами“ и „бити въ чело предъ богами“ — въ русскомъ и польскомъ: „поклонъ, поклоненіе“ означаютъ богопочитаніе.

Славяне обрящалися къ своимъ богамъ съ молитвою славословія, просьбы и благодарности.

Отъ молитвъ славословія остались намъ отрывки въ пѣсняхъ народныхъ особенно обрядныхъ, н. пр. колядкахъ, щедровкахъ, русальныхъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Къ нимъ присовокуплялись просьбы. Жертвы просительныи, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, ровно и гаданія. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ

богачъ за ихъ благодаренія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. — Молитвы частію выражались въ пѣніяхъ. Пѣсни составляли принадлежность богослужебныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ говоритъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: „Не подобаетъ крестьянѣмъ игорѣ бѣсовскихъ игратъ, иже есть плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія.“ Тѣмъ храмовыя пѣсни-молитвы сопровожались звуками инструментовъ, какъ то было при богослужебныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языческой религіи Славянъ, для того пѣвецъ Игоря называетъ своего предшественника Бояна внукомъ Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Тутъ надлежитъ отличать простыя возношенія отъ собственныхъ жертвъ. — Возношеніями были благовонныя куренія, и возношенія пахучими цвѣтами, травами, вѣнками и пр. приношенія яства оружія и т. п. Славяне знали символъ возношенія мысли къ божеству посредствомъ благовон.

ныхъ куреній и совершали его двома способами или просто раскладывали огонь, или сожигали куренія. О первомъ способъ возношенія свидѣтельствуе обычай розложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, не совсемъ забытыхъ древніи языческіи обряды. Судячи по тому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или Новогодія и въ праздникъ Купалы. — Паленіе дѣдуха по Рождественскѣмъ празднику и огни, раскладываемы на св. Іоанна Предтечу (Купалу) здаются забыткомъ таковыхъ языческихъ жертвоприношеній. Передъ идоломъ Перуна (по увѣренію лѣтописцовъ) горѣло постоянно пламя: „ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго дрѣвія непрестанно паляху.“*) Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ съ обоженіемъ огня.

*) Густинская лѣтопись стр. 207.

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельство далеко бѣльше. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса. Константинъ Багрянородный, розсказывая о походахъ Русинѣвъ, иише, що они пріѣзжали къ острову св. Георгія и у огромного дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами и клали туда хлѣбъ, мясо и где шо другое, шо было у нихъ. Подробно описавъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, якъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля (Азовъ) совершаемымъ русскими купцами: „Вошедши въ иристанъ каждый иде на берегъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ. къ высокому деревяному ястукану, падае передъ нимъ на землю и говорить: „Господи! я пріѣхалъ изъ далека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей и пересчитавши такъ свои товары, прибавляе: „вотъ тебѣ даръ мой!“ Потомъ кладе передъ идоломъ все, нимъ принесенное, и говорить: „Ахъ, если бы ты послалъ

меня купца, у которого бы было много серебряных и золотыхъ пвнзней, который бы купилъ у мене все, що мнѣ хочется, и такъ якъ мнѣ хочется продать.” Сказавши сіе, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ зле и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другій и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигае того, чого собѣ жае, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ окружающихъ большій, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: „То жены, сыновья и дочери нашего господа!” Онъ подходитъ къ каждому идолу и проситъ ихъ о заступленіи и кланяется имъ смиренно. Часто случается, що послѣ того онъ торгуе легко и добре и продаетъ всѣ привезенныя товары. Тогда говоритъ онъ: „господь услышалъ мое желаніе, теперъ обязанность моя возблагодарити ему;” онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на де-

ревъ, которое вбито въ землю (за малыи истуканами). Ночью приходятъ псы и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: „господь благоволилъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ.“ О такихъ возношеніяхъ у древныхъ Русинѣвъ говорятъ и сказанія отечественныи. Такъ въ летописи Новгородской Пидблининъ, отринувши жердью пльшого Перуна, говорилъ ему: „Ты, рече, Перушище, досыти еси пиль и ялъ, а нынѣ плови уже проче.“ Въ словъ Христолюбца говорится: „И тако покладывають имъ требы и короваи имъ ломать моленое то брашно даютъ и ядятъ ставятъ лише кумиромъ трапезы котѣйныя (ср. выше пѣсню поемую на соботку стр. 19). и законнаго объда. иже нарицается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ.“ *) — Другіи свидѣтельства инымъ Славянамъ принадлежащія пропускаемъ, ибо сіи уже довольно могутъ представить значеніе возношеній.

*) Востоковъ Спис. рук. Рум. Муз. М. стр. 229.

i) Жертвы заколенія и жертвы сожженія.

Що касаєся собственныхъ жертвъ, то они были вообще двухъ родовъ: жертвы заколенія и жертвы сожженія.

О жертвахъ заколенія (закланія) упоминае уже Прокопій, говоря, що Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другіи приношенія, — що они, выдачи себе удрученными болъзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавши опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думаячи, що тою жертвою спасали собѣ жизнь. Константинъ Порфирородный, Масуди и Ибнъ-Фоцланъ тоже говорятъ о жертвоприношеніяхъ Славянъ. — О жертвахъ заколенія у Русинѣвъ говоритъ ясно Несторъ: „Жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими и осквернися кровьюи земля Руская и холмъ-отъ“ (Несторъ 34.). Вспоминае о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ словѣ своемъ,

закъчая, що освятившись ученіемъ Христовымъ.

„уже не жрътвенныя крове вкушающе погибаемъ.“ — Впрочемъ и народное преданіе сохранило пѣсню обрядную, изображающую приношеніе козла въ жертву *).

Жертвы заколѣнія возносились были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умиловляти боговъ, такъ же и прочимъ и при совершеніи о-

*) Ось начало сей пѣсни:

За рѣкою за быстрою —

Стоять лѣсы дремучи;

А въ тѣхъ лѣсахъ огни горять,

Огни горять велики;

Вокругъ огней лавки стоятъ,

Лавки стоятъ дубовы;

На тѣхъ лавкахъ добры молодцы,

Добры молодцы, красны дѣвцы,

Поютъ пѣсни колядочки:

По серединѣ старикъ сидитъ,

Онъ точитъ свой будатный ножъ;

Возлѣ него козель стоитъ,

Хотятъ козла зарѣзати и прч.

брядя погребенія. Иногда они совершались торжественно жрецами, иногда же самыми тѣми, кто желалъ принести жертву. Обыкновенно приносились въ жертву домашныя животныя и птицы; и. пр. быки, овцы, козы, куры, иногда кони и псы. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при томъ жрецъ, для того чтобы воодушевиться силою предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, якъ яства, на съдѣвавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. — Жертвы заколенія имѣли вообще двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себе для богѣвъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли только сей послѣдній характеръ.

Що и они были весьма обычны у Славянъ сѣверозападныхъ и восточныхъ, то доказываеся

остатками, находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, где совершались, множествомъ попелу, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Описание жертвы сожженія находится также въ пѣсни краледворской рукописи, изъ котораго заключити можемъ, що и при тихъ жертвахъ, якъ при жертвахъ заколенія, приносимы были домашныи животныи, що тѣи жертвоприношенія были общенародныи, и що они совершаемы были великолѣпно, но не жрецами, але князями.

Есть свидѣтельства, що у Славянъ въ обычаю было и приношеніе въ жертву людей, но тѣи жертвы были весьма рѣдко и въ необыкновенныхъ случаяхъ употребляемы. — Впрочемъ въ жертву приносили такихъ людей, которыхъ можно было (по изображенію язычникомъ) не жалти, н. пр. плѣнныхъ или христіанъ. Человѣческими жертвами Славяне воображали смягчати гнѣвъ богѣвъ и украшали ними религійныи торжества послѣ войны или битвы. — Смерть челоуѣка одного или многихъ на полѣ бою или на одрѣ болѣзни, всегда

религією Славянскою вызывала смерть другого человека или и многихъ. Источникъ того и другого обычая долженъ быть одинъ и тотъ же. Славянинъ боялся будущего посмертного, — столько же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной: то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ боязнію соединялась у него надежда на благость богѣвъ, на возможность ихъ умиловити очищеніемъ, и тое очищеніе въра ихъ находила въ погибели животныхъ и другихъ людей. — Погребальный обрядъ сожженія сопровождался у Славянъ также умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей, если не кого другого, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы. Для погибавшого была надежда, що онъ тѣмъ пожертвованіемъ открывалъ собѣ дорогу въ рай; такая же надежда была для родныхъ покойника, въровавшихъ, що тѣми жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Все тое было для Славянъ жертвою очищенія.

к) Гаданія и прорицанія.

Гаданія составляли стольже необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго, якъ саміи молитвы и жертвоприношенія. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, що божества и безъ воли челоуѣка раскрывали ему будущее. Гадаючи о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество — впервыхъ о томъ, быти ли чему или не быти, дѣлати ли ему що или не дѣлати, во вторыхъ, о томъ, що именно имѣе быти, що онъ долженъ дѣлати. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ короткій: да или нѣтъ, и мѡгъ быти розгадываемый изъ розличныхъ, весьма не сложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ розгадоватися изъ знаковъ далеко болѣе сложныхъ, и чѣмъ коротше, неопредѣленнѣйше выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненіи ѡтъ воли объяснявшаго.

Само собою розумѣея, що гаданіе первого рода употреблялось далеко чаще. Оно-то было

гаданіємъ по жребію весьма употребительнымъ у Славянъ. Кромъ тѣхъ гаданій по жребію, были вѣроятно и многіи другіи, судивши по тому, що въ суевѣріяхъ народныхъ осталось весьма много способѣвъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все же многіи не могли имѣти другого источника.

Были также у Славянъ гаданія, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавати не по якому нибудь жребію, одному изъ двохъ противоположныхъ, но въ положительномъ отвѣтъ, однимъ изъ многихъ возможныхъ. О существованіи такого обряда гаданій по предсказаніямъ упоминае Масуди. Также Несторъ розказуе, якъ волхвы предсказали смерть Олегу: „Призва Олегъ волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Ониже рѣша, смерть твоя отъ любимого твоего коня;“ *) и пр. Нѣсколько подобныхъ

*) Новгород. Лѣт. М. 1781.

предсказаній записано летописцами и въ позднѣйшее время. Тоже въ Стоглавъ читаемъ: „волхвы и по звездамъ и по планитамъ глядятъ.“ Самое повѣрье, що зозуля предсказуе, сколько кому лѣтъ жити, нитло во время языческое чисто религиозный смыслъ.

Розсмотриваючи свідѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію вопроса, при якихъ случаяхъ употреблялись гаданія, нужно замѣтити, що гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, и имѣючи огромное вліяніе на жизнь частную и общественную; гаданіемъ рѣшалось все важное для каждого человека и для цѣлого народа. даже и назначеніе обрядовъ богослуженія Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялися. были чтими тѣмъ больше, чѣмъ больше было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ тамъ совершаемымъ. О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу.“

6*

Понятіе о важности гаданій и гадателей , вороженіи и ворожкахъ осталось доннынъ. Жребій имѣлъ религіозное значеніе. Гаданіемъ рѣшали предпріятія общественныи, походы и битвы сухопутныи и морскіи. Гаданія помочію жребія и объясненія прорицаній замѣняли собою въ многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, ибо Славянинъ желалъ предоставить то высшей волѣ, що есть выше воли человѣческой. *)

л) Праздники и игры языческіи.

У древнихъ Славянъ были розличныи обряды, были религіозныи празднества, совершаемы въ определенное время, повторяе мы въ тѣже дни, въ однѣмъ и томже мѣстѣ.

Славяне розполагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣтельности свѣта, выражаемой перемянами года, который по сему дѣлился на три части.

*) Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ Н. Срезневскаго. Спб. 1848.

Первый был праздник Весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца, лѣтній солноборотъ. Праздникъ Весны начинался весьма рано; когда только отъ солнца начиналъ таяти снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козель. Зеленая вѣха, т. е. высокая вѣтвь связанная на подобіе вѣтлы, которую у насъ на Покутью въ день св. Георгія (на Юра) утромъ всякій господарь встромляе въ острогъ возлѣ воротъ своего обыстья. есть якобы оглашеніе весняного праздника. Намятниками подобныхъ древнихъ обычаевъ у Славянъ остались пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и обычай водить козла, при чемъ хороводъ юношей и дѣвицъ поетъ пѣсни припоминая имя Лада и Лелю т. е. свѣтлый. Съ симъ соединялся символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія или призыванія весны, изъ чего остались возгласы въ пѣсняхъ веснянками и гаивками (гагилками, гагулками) зовимыхъ:

„Ой вже Весна воскресла!
 Ой що же намъ принесла“ и пр.
 или „Благослови мати,
 Ой, мати Лада, мати,
 Весну закликати“ и пр.
 или „Ой Дѣдъ, Дѣдъ, та и Ладю!
 Та повѣдай кбзле правду;
 Щожь вамъ маю повѣдати,
 Коль ничего нечувати? и пр.

Праздникъ весны имѣлъ четыре значенія: религиозное, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во первыхъ было то торжество приходящей весны. Оно начиналося призываніями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли торжественныи гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звездамъ; пѣли пѣсни въ честь воды; совершали моленія о плодородіи и низпосланіи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развитися, призывали птицъ розвеселити пѣніемъ розцвѣтающіи дубровы. Потомъ отправлялися символическіи игры; некоторыи изъ

нихъ знаменовали весну, другіи означали воспоминанія мифологическихъ событій.

Второе значеніе сего праздника было земледѣльческое; земледѣльческіи занятія изображались въ немъ символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры; н. пр. сѣянье проса. и пѣсни хороводныи при ганвкахъ, въ которыхъ изображается оранье. сѣяніе маку, льну. ячменю, пшеницы и пр. и розныи сельскіи работы. Все тое, изображаясь въ священнодѣйствіи. якъ бы освящало полевые труды поселянъ.

Третье значеніе праздника было семейственное. Любовь свѣтлоосного мужского и водного женского божествъ т. е. Свантовита и Дъванны служила первообразомъ соединенія полвъ на землѣ; потому, въ хороводъ, составленныи для богослуженія ювоши и дъвицы должны были бракомъ сочетаться при концѣ праздника, а до того времени, въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражали взаимную любовь, для прославленія вер-

ховной любви. Въ пѣсняхъ обрядныхъ находимъ частыя намеки любви, жениханья и пр.

Четвертое значеніе праздника было погребальное. Тотъ же самый праздникъ назывался нынѣ радуницею, или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ ходили Славяне на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, где стояли на столбахъ сосуды съ попеломъ умершихъ, приносили туда яства и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойникѠвъ, а женщины въ плачливыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. ПотѠмъ отправляема была тризна*) или страва, торжественное пиршество, на которѠмъ пили и ѣли званныи и незванныи. все въ честь покойникѠвъ; а потомъ начиналися борьбы и ристанія, подобно якъ въ древности у ГрекѠвъ. Тѣи богатырскіи игры считалися не-

*) Тризна значило бой, поединокъ, тризнице мѣсто боя, тризникъ подвижникъ, тризнити, тризовати бигтися, игратися. Въ старину тризною называлося празднество соединенное съ военными потѣхами.

обходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, где розсказуея, що послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря, княгиня Ольга пригласила Древлянъ на состязаніе съ Кіевлянами.

Послѣ весняного праздника начиналися полевныя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило на собѣ видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хорыводъ обыкновенно у воды, въ рощахъ или на ливадахъ. То были тѣ „игрища между селы“ на которыхъ, по словамъ Пестора, „умыкаху у воды дѣвица“.

Когда земледѣльцы обсеялися, и наступало больше свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣйшимъ и развитіе органической жизни шло быстрѣе, Славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ: слово тое совпадаетъ съ семью тысячами дней царствованія Даждь-Бога и седми мечами Руевита. Праздникъ той называея у

Руси Яриломъ, а у Словаковъ Турицами и Лѣтницами.

И сей праздникъ имѣлъ у Славянъ четыре значенія. Идея его есть поклоненіе свѣтлоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности, богу Руевиту. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирався на берегу рѣки на возвышеніи, въ рошѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами — вѣрно прежде символическими знаками — служить неизменно условіемъ того праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно есть тое дерево — береза, и кажется оно символизировало мать Ладу-природу. У Римлянъ ставили также дерево, въ честь Афродиты (Май), называвшееся arbor majalis, сров. нем. Maibaum, подобно у Индійцевъ изображалась Бгавани, всеобщая мати, въ образѣ лотоса.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтнего праздника видно изъ обычаевъ ходити по поляхъ съ образами, увитыми цвѣтами, спѣвая приличныя

тому времени (русальны) пѣсни, которы нынѣ приняли совсѣмъ Христіанское значеніе.

Въ семейномъ отношеніи пѣсни лѣтницкии выражаютъ предчувствіе скорого брака. Въ тое же время лѣтнего праздника отправлялись жертвоприношенія Русалкамъ, — по которымъ до сего времени существуете у Карпатской Руси названіе русальной недѣли, русальныхъ святокъ, русальевъ.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одинъ изъ народныхъ праздниковъ не остался у Славянъ съ его языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, якъ купальный, хотя его духовенство силлось истребити. О немъ упоминается въ Стоглавѣ, Синописѣ Гизеля и Густинской Лѣтописи, (см. выше примѣчаніе на стр. 17). Въ Стоглавѣ (въ XVI. вѣку) жалуются, „что противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи противъ ночи и въ весь день

до ночи мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творять со всякими играми и всякими скоморошествами и пѣсни сатанинскими, ночью въ рошъ, омываются водою и пожаръ запаливъ, перескакаю по древнему нѣкоему обычаю." (Руск. прост. праздн.) IV. 37. — Инокентій Гизель пише въ своемъ Синописи, „что въ Малороссіи въ вечеріи Рождества св. Іоанна Крестителя собравшея къ вечеру юноши мужеска, женска и дѣвическа пола соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются или еще же на томъ бѣсовскомъ игрищѣ кладутъ огонь и окрестъ его емшеся за руцъ нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огонь прескакующе." (Синописи, стр. 48). У западныхъ Славянъ тое празденство называ-

ется Сobotкою, у Русинѣвъ Карпатскихъ (Ленкѣвъ и Краинянь) Собѣткою или Собѣдкою.

Кромѣ Славянъ извѣстно было сіе празднество многимъ народамъ, н. пр. у Нѣмцевъ (Johannisfest), у Литовцевъ, у Финяѣвъ, Монголѣвъ, даже у древнихъ Грековъ и Римлянъ существовалъ праздникъ, въ который палили костры и перескаковали чрезъ огонь. Самъ Овидій говоритъ (Fastes VIII.), що онъ три раза перескакивалъ черезъ огонь и былъ кропитъ водою съ лавровой вѣтви. — Такъ торжество Славянское Купалы было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Сей обрядъ отправляется нынѣ въ южной Руси слѣдующимъ способомъ. Прежде всего молодежь идетъ купатися, потомъ надѣваютъ дѣвицы вѣнки изъ черноклена съ душистыми зелами, подпоясываются чернобылемъ (*Artemisia vulgaris*) и, предъ захоженіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ непременно надъ рѣкою. Тамъ ставятъ

два изображенія: одно чучело на подобіе чело-
вѣка, другое — дерево, увитое женскими уборами,
лентами и вѣнками: дерево обыкновенно бываетъ чер-
нокленъ (Ases samrestre), потомъ роскидуютъ купы
соломы, зажигаютъ и, постававши кругомъ, по-
ютъ пѣсни и, взявши въ руки изображенія, по парь
наробокъ съ дѣвкою скачутъ черезъ огонь, по-
томъ, когда вся перескачутъ, кидаютъ въ воду
изображенія: изъ которыхъ мужское называется
Купаломъ, а женское Мореною. Въ слѣдъ
за тѣмъ кидаютъ съ себе вѣнки въ воду, и по-
ютъ пѣсни. — Купало и Морена означаютъ
Лада, Святовита, свѣтлоносное начало, и жен-
ское водное начало или Дъванну: теперь они
называются въ народѣ царь-огонь и царица-
водица. Значеніе того праздника было симво-
лическое бракосочетаніе Солнца съ Водой,
изъ котораго совокупленія образовалася полная
жизнь и любовь въ твореніи.

Третій праздникъ у Славянъ отправлялся зи-
мою въ тое время, когда солнце доходило до

самой меньшости своей силы и поверталось снова на весну, когда зима борется съ лѣтомъ (т. е. зимовый словоротъ).— Праздникъ тотъ имѣе основаніе въ обще человѣческомъ мифологическомъ понятіи о рожденіи свѣтла. Въ Персіи праздновали Мигрганъ въ концѣ Декемврія и называли праздникомъ рожденія непобѣдимого солнца. Подобно тому и въ Египтѣ жрецы торжествовали рожденіе Озириса. У Римлянъ тогда отправлялись Януарскіи Календы, называвшіися также *Natales Solis invicti*. Тотъ праздникъ принадлежалъ также и къ поклоненію Митръ, называвшемуся непобѣдимымъ солнцемъ. У Славянъ былъ въ тое время праздникъ, именуемый теперь Колядою.

У Славянъ отправлялся онъ въ отношеніи религіозномъ въ честь рождающагося солнца; изъ чего належитъ заключити, що годъ Славяне начинали съ зимового поворота солнца (словоротта). Святovitъ пораженный на время Чернобогомъ, возстае и начинае свою дѣятельность оживленія природы. А понеже солнце совершае

дѣтельность свою постоянно и сначала оно являеся въ маломъ видѣ, то отъ того образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтнствѣ свѣтлоносного начала въ годичномъ его бытіи, оттого и произошло изображеніе женщины (олицетворенной природы) съ младенцемъ. — Вѣроятно, що то былъ также праздникъ сотворенія міра, ибо въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ о томъ говорится совершенно по языческимъ понятіямъ. Въ тое время совершались игры и гаданія розличного рода и приносились жертвы.

Въ отношеніи семейственомъ той праздникъ имѣлъ здаеся то значеніе, що тогда составлялся хороводъ на весну и освящался религійними обрядами. Въ земледѣльчeskомъ отношеніи имѣлъ ояъ также свое значеніе. Обычаи щедровати и отчасти колядовати и виншовати на новыи годъ у Русинѣвъ суть преимущественно земледѣльчeskіи. Цѣвцы (колядники или щедраки) пѣдъ окномъ прославляютъ обиліе и счастье хозяина и жела-

ють ему такогожь благоденствія и на другій годь. — Обычай посыпанія зеренъ на новий годь имѣлъ, здається, значеніе освященія зеренъ приготавливаемыхъ для посьва.

Такіи то были годицнии праздники древнихъ Славянъ соответствующиі годовому кругу солнца, изъ чего видно, главнымъ основаніемъ що того круга было поклоненіе солнцу. —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ того короткого обозрѣнія древнѣго баснословія Славянскаго видно, що головнии основанія и принадлежности языческаго богослуженія у всѣхъ Славянъ были одни и тіиже саміи. Славянскіи мѣны и языческіи обряды выплывули изъ одного источника древнѣйшихъ преданій Востока, той колыбели рода чековѣческаго. По той при-

чинъ понятія о божествѣ и службы ему по древнему Славянскому взрванію имѣютъ близкое сходство съ баснословными преданіями другихъ народѣвъ Индоевропейскаго колѣна. По недостаточнымъ письменнымъ памятникамъ невозможно намъ нынѣ представить полного образа баснословія и обрядности Славянской. Изысканія письменныхъ источниковъ уже можно сказать вычерпаны, новыхъ открытій, изъ тѣхъ мертвыхъ свидѣтелей, трудно надѣяться. Остается намъ еще до испытыванія и изслѣдованія живой народъ. Въ его общественномъ и семейственномъ бытѣ, въ народныхъ пѣсняхъ, повѣстьяхъ, сказкахъ и басняхъ, въ его обрядахъ, звычаяхъ и обычаяхъ, въ его забабонахъ, преданіяхъ и повѣртіяхъ скрываются, иногда въ оболочцѣ новаго времени, подробности отдаленнѣйшей старины. Мы составили подлежащее обозрѣніе баснословія въ томъ намѣреніи, чтобы подати соотечественникамъ путеводительную нитку до изслѣдованія нашего народнаго быта, который въ вѣковыхъ преданіяхъ

губится ажъ въ дальной старожитности, и свя-
занный съ первоначальнымъ развитіемъ рода чело-
вѣческаго. Следуя той мысли станемъ почитати
наши народныя пѣсни и преданія по надлежащему
имъ достоинству — познавши свое родное возлю-
бимъ и оцѣнимъ его. —

зависит от первоначальной обстановки, в которой
находится государство. Если же государство
находится в состоянии войны, то оно должно
быть готово к тому, чтобы вступить в войну
с любой силой, которая может возникнуть.

СОДЕРЖАНІЕ.

А.) О древнихъ славянскихъ идолахъ и божествахъ.

	стр.
а) Понятіе о высшомъ бозѣ	4
б) Свѣтлоповлненіе	6
в) Сварожичъ-Радегастъ	7
г) Святovitъ-Дажьбогъ	8
д) Яровитъ, Руевитъ, Поревитъ, Поренуть	14
е) Перунъ	15
ж) Триглавъ	17
з) Бѣлбогъ	20
и) Ладо и Живъ	21
і) Богини	23
к) Лада — Жива	24
л) Лель — Леля. — Вода	26
м) Космогонія	28
н) Дѣванна	30
о) Общее понятіе о божествахъ	31
п) Чернобогъ. — Дивъ	33
р) Борьба добраго начала со злымъ	34
с) Вѣрованіе въ Духовъ	37

г) Воздушными Духи	38
у) Водными существа	40
ф) Почитаніа деревь	42
х) Символическое значеніе деревь , птицъ , звѣрей	44
ц) Земными Духи	47
ч) Метаморфозы	48
ш) Безсмертіе души	52
щ) Гаданіе и вѣщба	54

Б.) О языческомъ Славянскомъ богослуженіи.

а) Святѣлища богослуженія	57
б) Мѣстца поклоненія водѣ и огню	58
в) Святѣлища горнымъ и лѣснымъ	61
г) Городища	63
д) Извѣстія о храмахъ языческихъ	65
е) Устройство и положеніе храмовъ	68
ж) Идолы	70
з) Жрецы Славянскіи	72
и) Молитвы и возношенія	75
і) Жертвы заколенія и жертвы сожженія	82
к) Гаданія и прорицанія	87
л) Праздники и игры языческіи	90

Изъ тойже Ставропигійской типографіи вышли
въ г. 1860.

- 1) Семьдневникъ содержащій въ себѣ службы всея святыхъ святыхъ Недѣль. Цѣна 25 кр. н.
- 2) Канонъ воскресный съ польскимъ переводомъ. Цѣна 40 кр. н.
- 3) Пoesіи Николая Устыяновича. Цѣна 40 кр. н. Доходъ назначенъ на цѣли литературныя.
- 4) Сборничокъ пѣсней для спѣволюбныхъ Русинѣвъ, Цѣна 25 кр. н.
- 5) Нѣсколько словъ о играхъ общественныхъ на Русь. Второе изд. — Цѣна 20 кр. н. Доходъ назначенъ въ пользу украшеній церковныхъ.
- 6) Гуцуль - Волошинъ, повѣсть зъ горъ Коломыйскихъ, написалъ Гриць Надвороньскій. Цѣна 20 кр. н.
- 7) Dochody Pana Lubienieckiego z Dzierzonów, jako obrona przeciw paraści na moje osobe, — ks. Jana Naumowicza. — Цѣна 30 кр. н. Доходъ назначенъ въ пользу Дома Народнаго.
- 8) Въ вѣчную память Юсифу Дѣвницкому — пѣсня, составлена Б. А. Дѣдицкиѣ. Цѣна 3 кр. н.

Современно печатаются въ тойже типографіи еще слѣдующія сочиненія :

- 1) Зоря Галицкая яко Альбузь на годъ 1860 (Печатаніе окончится въ первой половинѣ Септембріа с. г.).
- 2) Сборникъ историческій, Выпускъ III, издаваемый Рускою Матицею.
- 3) Львовянинъ, мѣсяцесловъ на р. 1861.
- 4) Владимиръ Великій — и крещеніе Руси, према I. Озаркевича. Съ назначеніемъ дохода на цѣли литературныя.
- 5) Буй-Туръ Всеволодъ, поема Б. А. Дѣдицкого (печатаніе въ скорѣ окончится). Съ назначеніемъ дохода на цѣли литературныя.
- 6) Руское весѣлье, описанное I. Галькою. Съ назначеніемъ дохода на цѣли литературныя.
- 7) Молитвословъ съ толкованіемъ для мрянь.
- 8) Молитвословъ для дѣтей.

